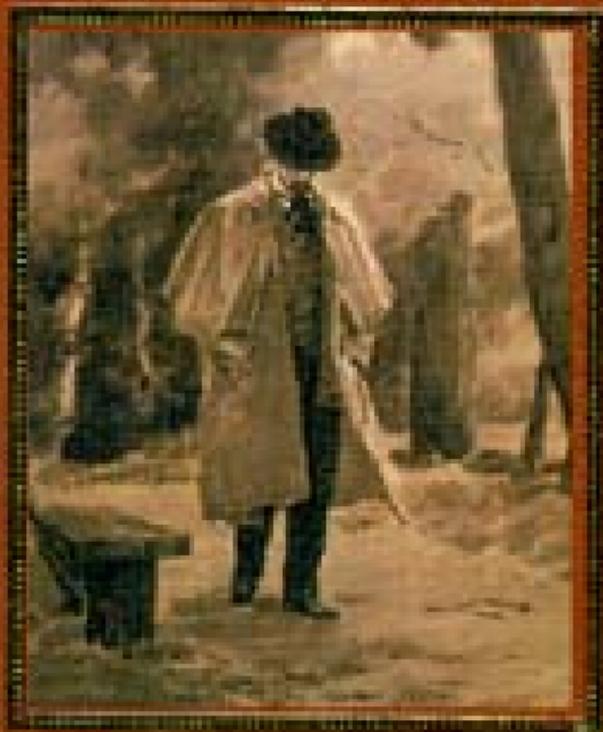

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Толстой Лев Николаевич (1828-1910) — русский писатель, философ, публицист, педагог. Автор знаменитых романов «Война и мир», «Анна Каренина» и «Семь дней в жизни одного из вас».

Лев Николаевич Толстой

**Четвертая русская книга для
чтения**

Содержание

Царь и рубашка (Сказка)	0006
Камыш и маслина (Басня)	0008
Волк и мужик (Сказка)	0009
Два товарища (Басня)	0013
Прыжок (БЫЛЬ)	0014
Дуб и орешник (Басня)	0018
Вредный воздух (БЫЛЬ)	0019
Дурной воздух (Рассуждение)	0023
Волк и ягненок (Басня)	0025
Удельный вес (История)	0026
Лев, волк и лисица (Басня)	0028
Царское новое платье (Сказка)	0030
Лисий хвост (Басня)	0032
Шелковичный червь (Рассказ)	0034
Царь и слоны (Басня)	0042
Охота пуще неволи (Рассказ охотника)	0044
Наседка и цыплята	0058
Газы (Рассуждение)	0059
I	0059
II	0062
Лев, осел и лисица (Басня)	0064
Старый тополь (Рассказ)	0065
Черемуха (Рассказ)	0067
Как ходят деревья (Рассказ)	0069
Дергач и его самка (Басня)	0071

Как делают воздушные шары (Рассуждение)	0072
Рассказ аэронавта	0075
Корова и козел (Сказка)	0079
Ворон и воронята (Басня)	0080
Солнце – тепло (Рассуждение)	0082
Отчего зло на свете (Басня)	0086
Гальванизм (Рассуждение)	0089
Мужик и водяной (Басня)	0095
Ворон и лисица (Басня)	0097
Кавказский пленник (Быль)	0098
1	0098
2	0105
3	0115
4	0121
5	0127
6	0135
Микулушка Селянинович (Стихи-сказка.) . .	0144

Лев Николаевич Толстой
Четвертая русская книга для
чтения

Царь и рубашка (Сказка)

Один царь был болен и сказал: «Половину царства отдам тому, кто меня вылечит». Тогда собрались все мудрецы и стали судить, как царя вылечить. Никто не знал. Один только мудрец сказал, что царя можно вылечить. Он сказал: если найти счастливого человека, снять с него рубашку и надеть на царя – царь выздоровеет. Царь и послал искать по своему царству счастливого человека; но послы царя долго ездили по всему царству и не могли найти счастливого человека. Не было ни одного такого, чтобы всем был доволен. Кто богат, да хворает; кто здоров, да беден; кто и здоров и богат, да жена не хороша, а у кого дети не хороши; все на что-нибудь да жалуются. Один раз идет поздно вечером царский сын мимо избушки, и слышно ему – кто-то говорит: «Вот слава богу, наработался, наелся и спать лягу; чего мне еще нужно?» Царский сын обрадовался, велел снять с этого человека рубашку, а ему дать за это денег, сколько

он захочет, а рубашку отнести к царю. Посланные пришли к счастливому человеку и хотели с него снять рубашку; но счастливый был так беден, что на нем не было и рубашки.

Камыш и маслина (Басня)

Маслина и камыш заспорили о том, кто крепче и сильнее. Маслина посмеялась над камышом за то, что он от всякого ветра гнется. Камыш молчал. Пришла буря: камыш шатался, мотался, до земли сгибался – уцелел. Маслина напружилась сучьями против ветра – и сломилась.

Волк и мужик (Сказка)

Гнались за волком охотники. И набежал волк на мужика. Мужик шел с гумна и нес цеп и мешок.

Волк и говорит: «Мужик, спрячь меня, – меня охотники гонят». Мужик пожалел волка, спрятал его в мешок и взвалил на плечи. Наезжают охотники и спрашивают мужика, не видал ли волка?

– Нет, не видал.

Охотники уехали. Волк выскочил из мешка и бросился на мужика, хочет его съесть. Мужик и говорит:

– Ах, волк, нет в тебе совести: я тебя спас, а ты ж меня съесть хочешь. – А волк и говорит:

– Старая хлеб-соль не помнится.

– Нет, старая хлеб-соль помнится, хоть у кого хочешь спроси, – всякий скажет, что помнится. – Волк и говорит:

– Давай, пойдем вместе по дороге. Кого первого встретим, спросим: забывается ли старая хлеб-соль, или помнится? Если скажут:

помнится, – я пущу тебя, а скажут: забывается, – съем.

Пошли они по дороге, и повстречалась им старая, слепая кобыла. Мужик и спрашивает: «Скажи, кобыла, что, помнится старая хлеб-соль или забывается?»

Кобыла говорит:

– Да вот как: жила я у хозяина двенадцать лет, принесла ему двенадцать жеребят, и все то время пахала да возила, а прошлым годом ослепла и все работала на рушалке; а вот на-медни стало мне не в силу кружиться, я и упала на колесо. Меня били, били, стащили за хвост под кручь и бросили. Очнулась я, насилу выбралась, и куда иду – сама не знаю. –

Волк говорит:

– Мужик, видишь – старая хлеб-соль не помнится.

Мужик говорит:

– погоди, еще спросим.

Пошли дальше. Встречается им старая собака. Ползет, зад волочит.

Мужик говорит:

– Ну, скажи, собака, забывается ли старая хлеб-соль, или помнится?

– А вот как: жила я у хозяина пятнадцать лет, его дом стерегла, лаяла и бросалась кусаться; а вот состарилась, зуб не стало, – меня со двора прогнали, да еще зад оглоблею отбили. Вот и волочусь, сама не знаю куда, подальше от старого хозяина.

Волк говорит:

– Слышишь, что говорит?

А мужик говорит:

– погоди еще до третьей встречи.

И встречается им лисица. Мужик говорит: «Скажи, лиса, что, помнится старая хлеб-соль или забывается?»

А лиса говорит:

– Тебе зачем знать?

А мужик говорит:

– Да вот бежал волк от охотников, стал меня просить, – и я спрятал его в мешок, а теперь он меня съесть хочет.

Лисица и говорит:

– Да разве можно большому волку в такой мешок уместиться? Кабы я видела, я бы вас рассудила.

Мужик говорит:

– Весь поместился, хоть у него сама спроси.

И волк сказал: «Правда».

Тогда лисица говорит:

– Не поверю, пока не увижу. Покажи, как ты лазил.

Тогда волк всунул голову в мешок и говорит: «Вот как».

Лисица говорит:

– Ты весь влезь, а то я так не вижу.

Волк и влез в мешок. Лисица и говорит мужику: «Теперь завяжи». Мужик завязал мешок. Лисица и говорит:

– Ну теперь покажи, мужик, как ты на току хлеб молотишь. – Мужик обрадовался и стал бить цепом по волку.

А потом говорит: «А посмотри, лисица, как на току хлеб отворачивают», – и ударил лисицу по голове и убил, а сам говорит: «Старая хлеб-соль не помнится!»

Два товарища (Басня)

Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь. Один бросился бежать, влез на дерево и спрятался, а другой остался на дороге. Делать было ему нечего – он упал наземь и притворился мертвым.

Медведь подошел к нему и стал нюхать: он и дышать перестал.

Медведь понюхал ему лицо, подумал, что мертвый, в отошел.

Когда медведь ушел, тот слез с дерева и смеется: «Ну что, – говорит, – медведь тебе на ухо говорил?»

«А он сказал мне, что – плохие люди те, которые в опасности от товарищей убегают».

Прыжок (Быль)

Один корабль обошел вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было — она знала, что ею забавляются, и оттого еще больше расходилась.

Она подпрыгнула к 12-летнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему, или плакать.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать ее. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи. Мальчик погрозил ей и крикнул на нее, но она еще злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну мину-

ту он взобрался по веревке на первую пере­кладину; но обезьяна еще ловчее и быстрее его, в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась еще выше.

– Так не уйдешь же ты от меня! – закричал мальчик и полез выше. Обезьяна опять под­манила его, полезла еще выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обе­зьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха. На самом верху обезьяна вытя­нулась во всю длину и, зацепившись задней рукой [1] за веревку, повесила шляпу на край последней пере­кладки, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, пока­зывала зубы и радовалась. От мачты до конца пере­кладки, где висела шляпа, было арши­на два, так что достать ее нельзя было иначе, как выпустить из рук веревку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бро­сил мачту и ступил на пере­кладину. На палу­бе все смотрели и смеялись тому, что выделывали обезьяна и капитанский сын; но как увидели, что он пустил веревку и ступил на пере­кладину, покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться – и он бы вдребезги разбился о палубу. Да если б даже он и не оступился, а дошел до края перекладки и взял шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты. Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нес ружье, чтобы стрелять чаек [2]. Он увидел сына на мачте, и тотчас же прицелился в сына и закричал: «В воду! прыгай сейчас в воду! застрелю!» Мальчик шатался, но не понимал. «Прыгай или застрелю!.. Раз, два...» и как только отец крикнул: «три» – мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро, шлепнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже 20 молодцов матросов спрыгнули с корабля в море. Секунд через 40 – они долги показали всем – вынырнуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Через несколько минут у него изо рта и из носа по-

лилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидал это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтоб никто не видал, как он плачет.

Дуб и орешник (Басня)

Старый дуб уронил с себя желудь под куст Орешника. Орешник сказал дубу: «Разве мало простора под твоими сучьями? Ты бы ронял свои желуди на чистое место. Здесь мне самому тесно для моих отростков, и я сам их бросаю наземь своих орехов, а отдаю их людям».

«Я живу двести лет, – сказал на это дуб, – и дубок из этого желудя проживет столько же».

Тогда орешник рассердился и сказал: «Так я заглушу твой дубок, и он не проживет и трех дней». Дуб ничего не ответил, а велел расти своему сынку из желудя.

Желудь намок, лопнул и уцепился крючком ростка в землю, а другой росток пустил кверху.

Орешник глушил его и не давал солнца. Но дубок тянулся кверху и стал сильнее в тени орешника. Прошло сто лет. Орешник давно засох, а дуб из желудя поднялся до неба и раскинул шатер на все стороны.

Вредный воздух (Быль)

В селе Никольском, в праздник, народ пошел к обедне. На барском дворе остались скотница, староста и конюх. Скотница пошла к колодцу за водой. Колодезь был на самом дворе. Она вытащила бадью, да не удержала. Бадья сорвалась, ударилась о стенку колодца и оторвала веревку. Скотница вернулась в избу и говорит старосте:

– Александр! слазай, батюшка, в колодезь, – я бадью упустила. – Александр сказал:

– Ты упустила, ты и доставай. – Скотница сказала, что она, пожалуй, сама полезет, – только чтобы он спускал ее.

Староста посмеялся ей и сказал:

– Ну, пойдем. Ты теперь натощак, так я удержу; а после обеда и не удержатъ.

Староста привязал палку к веревке, и баба верхом села на нее, взялась за веревку и стала слезать в колодезь, а староста за колесо стал спускать ее. В колодце было всего шесть аршин глубины, и только на аршин стояла вода.

Староста спускал за колесо потихоньку и все спрашивал: «Еще, что ли?» Скотница кричала оттуда: «Еще немного!»

Вдруг староста почувствовал, что веревка ослабла; он окликнул скотницу, но она не отвечала. Староста поглядел в колодезь и увидел, что баба лежит в воде головой и кверху ногами. Староста стал кричать и звать народ; но никого не было. Пришел только один конюх. Староста велел ему держать колесо, а сам вытянул веревку, сел на палку и полез в колодезь.

Только что конюх спустил старосту до воды, с старостой сделалось то же самое. Он бросил веревку и упал головой вниз на бабу. Конюх стал кричать, потом побежал в церковь за народом. Обедня отошла, и народ шел из церкви. Все мужики и бабы побежали к колодцу. Все столпились у колодца, и всякий кричал свое, но никто не знал, что делать. Молодой плотник Иван пробился сквозь толпу к колодцу, схватил веревку, сел на палку и велел себя спускать. Иван только привязал себя к веревке кушаком. Двое спускали его, а другие все смотрели в колодезь, что будет с

Иваном. Как только он стал доходить до воды, он бросил веревку руками и упал бы головой, но кушак держал его. Все закричали: «Тащи его назад!» – и Ивана вытащили.

Он как мертвый висел на кушаке, голова его тоже висела и билась о края колодца. Лицо было сине-багровое. Его вынули, сняли с веревки и положили на землю. Думали, что он мертвый; но он вдруг тяжелодохнул, стал перхать и ожил.

Тогда хотели лезть еще, но один старый мужик сказал, что лазить нельзя, потому что в колодце дурной воздух, и что этот дурной воздух убивает людей. Тогда мужики побежали за баграми и стали вытаскивать старосту и бабу. Старостина жена и мать голосили у колодца, другие их унимали, а мужики цепляли в колодце баграми и старались вытащить мертвых. Раза два они дотаскивали старосту до половины колодца за его платье; но он был тяжел, платье прорывалось, и он срывался. Наконец, зацепили его за два багра и вытащили. Потом вытащили и скотницу. Оба уже были совсем мертвые и не ожили.

Потом, когда стали осматривать колодезь,

то узнали, что точно, – внизу колодца был дурной воздух.

Дурной воздух (Рассуждение)

Дурной воздух бывает такой тяжелый, что в нем ни человек и никакое животное жить не может.

Бывают места под землей, где этот воздух собирается, и если попадешь в такое место, то сейчас умираешь. Для этого в рудниках делают лампы, и прежде чем человеку идти в такое место, спускают туда лампу. Если лампа тухнет, то и человеку нельзя идти; тогда пускают туда чистого воздуха до тех пор, пока может огонь гореть.

Подле города Неаполя есть одна такая пещера. В ней дурной воздух всегда стоит внизу на аршин от земли, а выше хороший воздух. Человек будет ходить по этой пещере, и ему ничего не сделается; а собака – как войдет, так и задохнется.

Откуда берется этот дурной воздух? Он делается из того самого хорошего воздуха, каким мы дышим. Если собрать много людей в одно место и закрыть все двери и окна так,

чтобы не проходил свежий воздух, то делается такой же воздух, как в колодце, и люди по-мрут.

Сто лет тому назад, на войне, индейцы взяли в плен 146 англичан. Их заперли в подземную пещеру, куда не мог проходить воздух.

Пленные англичане, когда побыли там несколько часов, стали задыхаться, – и под конец ночи из них 123 умерло, а остальные вышли еле живые и больные. Сначала в пещере воздух был хорош; но когда пленные выдышали весь хороший воздух, а нового не проходило, – сделался дурной воздух, похожий на тот, что был в колодце, и они померли. Отчего делается дурной воздух из хорошего, когда соберутся много людей? Оттого, что люди, когда дышат, то собирают в себя хороший воздух, а выдыхают дурной.

Волк и ягненок (Басня)

Волк увидал – ягненок пьет у реки. Захотелось волку съесть ягненка, и стал он к нему придирааться. «Ты, – говорит, – мне воду мутишь и пить не даешь».

Ягненок говорит: «Ах, волк, как я могу тебе воду мутить? Ведь я ниже по воде стою, да и то кончиками губ пью». А волк говорит: «Ну, так зачем ты прошлым летом моего отца ругал?» Ягненок говорит: «Да я, волк, и не родился еще прошлым летом». Волк рассердился и говорит: «Тебя не переговоришь. Так я на-тощак, за то и съем тебя».

Удельный вес (История)

Греческий царь Гиерон Сиракузский заказал своему золотых дел мастеру Димитрию золотую корону для идола Юпитера и дал 12 фунтов золота. Димитрий сделал корону, и когда царь ее свесил, то в короне было ровно 12 фунтов. Только царь прослышал, что Димитрий украл много золота и в корону подмешал серебра. Царю хотелось доискаться, много ли подмешано серебра в короне, и он велел ее перетопить, чтобы видеть середину. Был один умный и ученый человек, родной царю, Архимед. Он сказал царю: «Не вели ломать корону, чтобы даром не пропала работа; а я, не ломаячи короны, узнаю, сколько в ней серебра и сколько золота». Царь согласился с Архимедом, и Архимед сделал так:

Он взял фунт золота и фунт серебра и свесил их просто на весах, а потом свесил их в воде. Фунт золота в воде потянул на одну гирику меньше, чем прежде, а фунт серебра на две гирики меньше.

Потом Архимед всю корону свесил в воде, позвал царя и сказал: «С фунта чистого золота, если весить в воде, остается гирька; а если весить серебро в воде, остаются две гирьки с фунта; стало быть, если корона вся из чистого золота и в ней 12 фунтов, то в двенадцати фунтах надо снять с весов 12 гирек. Вот смотри». Он положил на весы 11 фунтов и стал вешать корону в воде. Корона не потянула двенадцати фунтов без 12 гирек, а меньше. Сняли еще гирек, Архимед и говорит: «Вот сколько тут снято лишних гирек, на столько Дмитрий и обманул тебя». Так Архимед верно узнал, сколько было серебра подмешано в корону.

Лев, волк и лисица (Басня)

Старый больной лев лежал в пещере. Приходили все звери проводить царя, только лисица не бывала. Вот волк обрадовался случаю и стал пред львом оговаривать лисицу.

– Она, – говорит, – тебя ни во что считает, ни разу не зашла царя проводить.

На эти слова и прибеги лисица. Она услышала, что волк говорит, и думает: «Погоди ж, волк, я тебе вымещу».

Вот лев зарычал на лисицу, а она и говорит: «Не вели казнить, вели слово вымолвить. Я оттого не бывала, что недосуг было. А недосуг было оттого, что по всему свету бежала, у лекарей для тебя лекарства спрашивала. Только теперь нашла, вот и прибежала».

Лев и говорит:

– Какое лекарство?

– А вот какое: если живого волка обдерешь да шкуру его тепленькую наденешь...

Как растянул лев волка, лисица засмеялась и говорит:

– Так-то, брат; господ не на зло, а на добро наводить надо.

Царское новое платье (Сказка)

Один царь был охотник до хороших платьев. Он ни о чем больше не думал, только как бы ему получше нарядиться. Пришли к нему один раз два портные мастера и говорят: «Мы можем сшить такое нарядное платье, какого еще никогда ни у кого не было. Только, если кто глуп и к своей должности не годится, тот платья нашего не может видеть. Кто умен, тот будет видеть, а кто глуп, тот рядом будет стоять и не будет видеть платья нашей работы». Царь обрадовался портным и велел им сшить на себя платье. Портным отвели во дворце горницу и дали им бархату, шелку, золота, – всего, что нужно было для платья.

Когда прошла неделя, царь послал своего министра узнать, готово ли новое платье. Министр пришел и спросил; портные сказали, что готово, и показали министру пустое место. Министр знал, что если кто глуп и к своей должности не годится, то тот не может ви-

деть платья, и он притворился, что видит платье, и похвалил. Царь велел себе принести платье. Ему принесли и показали пустое место. Царь тоже притворился, что он видит новое платье, снял свое старое платье и велел надеть на себя новое. Когда царь пошел в новом платье гулять по городу, – все видели, что на царе нет никакого платья; но все боялись сказать, что они не видят платья, потому что слышали, что только глупый не может видеть нового платья. И каждый думал только про себя, что он не видит, а думал, что другие все видят. Так царь гулял по городу, и все хвалили новое платье. Вдруг один дурачок увидел царя и закричал: «Смотрите: царь по улицам ходит раздевшись!» И царю стало стыдно, что он не одет, и увидали, что на царе ничего не было.

Лисий хвост (Басня)

Человек поймал лисицу и спросил ее: «Кто научил лисиц обманывать хвостом собак?» Лисица спросила: «Как обманывать? Мы не обманываем собак, а просто бежим от них что есть силы». Человек сказал: «Нет, вы обманываете хвостом. Когда собаки догоняют вас и хотят схватить, вы поворачиваете хвостом в одну сторону; собака круто поворачивает за хвостом, а вы тогда бежите в противоположную сторону». Лисица засмеялась и сказала: «Мы делаем это не для того, чтобы обманывать собак; а делаем это для того, чтобы поворачиваться: когда собака догоняет нас и мы видим, что не можем уйти прямо, — мы поворачиваем в сторону; а для того, чтобы повернуться вдруг в одну сторону, нам нужно взмахнуть хвостом в другую, — так, как вы это делаете руками, когда хотите на бегу повернуться. Это не наша выдумка: это придумал сам бог еще тогда, когда он сотворил нас, — для того, чтобы собаки не могли переловить

всех лисиц».

Шелковичный червь

(Рассказ)

У меня были старые тутовые деревья в саду. Еще дедушка мой посадил их. Мне дали осенью золотник семян шелковичных червей и присоветовали выводить червей и делать шелк. Семена эти темно-серые и такие маленькие, что в моем золотнике я сосчитал их 5835. Они меньше самой маленькой булавочной головки. Они совсем мертвые: только когда раздавишь, так они щелкнут.

Семечки валялись у меня на столе, и я было забыл про них.

Но раз весной я пошел в сад и заметил, что почка на тутовнике стала распускаться, и на припоре солнечном уж был лист. Я вспомнил про семена червей и дома стал перебирать их и рассыпал попросторнее. Большая часть семечек были уже не темно-серые, как прежде, а одни были светло-серые, а другие еще светлее, с молочным отливом.

На другое утро я рано посмотрел яички и увидел, что из одних червячки уже вышли, а

другие разбухли и налились. Они, видно, почувствовали в своих скорлупках, что корм их поспел.

Червячки были черные, мохнатые и такие маленькие, что трудно было их рассмотреть. Я поглядел в увеличительное стекло на них и увидел, что они в яичке лежат свернутые колечком, и как выходят, так выпрямляются. Я пошел в сад за тутовыми листьями, набрал пригоршни три, положил к себе на стол и принялся готовить для червей место, так, как меня учили.

Пока я готовил бумагу, червячки почуяли на столе свой корм и поползли к нему. Я отодвинул и стал манить червей на лист, и они, как собаки за куском мяса, ползли за листом по сукну стола через карандаши, ножницы и бумагу. Тогда я нарезал бумаги, протыкал ее ножичком, на бумагу наложил листья и со всем с листом наложил бумагу на червяков. Червяки пролезли в дырочки, все взобрались на лист и сейчас же принялись за еду.

На других червей, когда они вывелись, я так же наложил бумагу с листом, и все пролезли в дырочки и принялись есть. На каж-

дом листе бумаги все червяки собирались вместе и с краев объедали лист. Потом, когда съедали всё, то ползли по бумаге и искали нового корма. Тогда я накладывал на них новые листы дырявой бумаги с тутовым листом, и они перелезали на новый корм.

Они лежали у меня на полке, и когда листа не было, они ползали по полке, приползали к самому краю, но никогда не спадали вниз, даром что они слепые. Как только червяк подойдет к обрыву, он, прежде чем спускаться, изо рта выпустит паутину и на ней приклеится к краю, спустится, повисит, поосмотрится, и если хочет спуститься – спустится, а если хочет вернуться назад, то втянется назад по своей паутинке.

Целые сутки червяки только и делали, что ели. И листу всё им надо было подавать больше и больше. Когда им принесешь свежий лист и они переберутся на него, то делается шум, точно дождь по листьям; это они начинают есть свежий лист.

Так старшие черви жили пять дней. Уже они очень выросли и стали есть в 10 раз больше против прежнего. На пятый день я знал,

что им надо засыпать, и всё ждал, когда это будет. К вечеру на 5-й день точно один старший червяк прилип к бумаге и перестая есть и шевелиться.

На другие сутки я долго караулил его. Я знал, что черви нисколько раз линяют, потому что вырастают и им тесно в прежней шкуре, и они надевают новую.

Мы караулили по переменкам с моим товарищем. Вечеру товарищ закричал: «Раздеваться начал, идите!» Я пришел и увидел, что точно, – этот червяк прицепился старую шкурой к бумаге, прорвал около рта дыру, высунул голову и тужится-извивается, – как бы выбраться, но старая рубашка не пускает его. Долго я смотрел на него, как он бился и не мог выбраться, и захотел помочь ему. Я ковырнул чуть-чуть ногтем, но тотчас же увидел, что сделал глупость. Под ногтем было что-то жидкое, и червяк замер. Я думал, что это кровь, но потом я узнал, что это у червяка под кожей есть жидкий сок – для того, чтобы по смазке легче сходила его рубашка. Ногтем я, верно, расстроил новую рубашку, потому что червяк хотя и вылез, но скоро умер.

Других уже я не трогал, а они все так же выбирались из своих рубашек; и только некоторые пропадали, а все почти, хотя и долго мучались, но выползали-таки из старой рубашки.

Перелинявши, червяки сильнее стали есть, и листу пошло еще больше. Через 4 дня они опять заснули и опять стали вылезать из шкур. Листу пошло еще больше, и они были уже ростом в осьмушку вершка. Потом через шесть дней опять заснули и вышли опять в новых шкурах из старых, и стали уже очень велики и толсты, и мы едва успевали готовить им лист.

На 9-й день старшие червяки совсем перестали есть и поползли вверх по полкам и по столбам. Я собрал их и положил им свежего листа, но они отворачивали головы от листа и ползли прочь. Я вспомнил тогда, что червяки, когда готовятся завиваться в куклы, то перестают совсем есть и ползут вверх.

Я оставил их и стал смотреть, что они будут делать.

Старшие влезли на потолок, разошлись врозь, поползли и стали протягивать по од-

ной паутинке в разные стороны. Я смотрел за одним. Он забрался в угол, протянул ниток шесть на вершок от себя во все стороны, повис на них, перегнулся подковой вдвое и стал кружить головой и выпускать шелковую паутину, так, что паутина обматывалась вокруг него. К вечеру он уже был как в тумане в своей паутине. Чуть видно его было; а на другое утро уж его и совсем не видно было за паутиной: он весь обмотался шелком, и всё еще мотал. Через три дня он кончил мотать и замер. Потом я узнал, сколько он выпускает в длину паутины за эти три дня. Если размотать всю его паутину, то выйдет иногда больше версты, а редко меньше. И если счесть, сколько раз надо мотнуть червячку головой в эти три дня, чтобы выпустить паутину, то выйдет, что он повернется вокруг себя в эти три дня 300000 раз. Значит, он не переставая делает каждую секунду по обороту. Зато уже после этой работы, когда мы сняли несколько куколок и разломили их, то мы нашли в куколках червячков совсем высохших, белых, точно восковых.

Я знал, что из этих куколок с белыми, вос-

ковыми мертвецами внутри должны выйти бабочки; но, глядя на них, не мог этому верить. Однако все-таки я на 20-й день стал смотреть, что будет с теми, каких я оставил.

На 20-й день я знал, что должна быть перемена. Ничего не было видно, и я уже думал, что-нибудь не так, как вдруг заметил – на одном коконе кончик потемнел и намок. Я подумал уже – не испортился ли, и хотел выбросить. Но подумал, не так ли начинается? и стал смотреть, что будет. И точно: из мокрого места что-то тронулось. Я долго не мог разобрать, что это такое. Но потом показалось что-то похожее на головку с усиками. Усики шевелились. Потом я заметил, что лапка прорунулась в дырку, потом другая, – и лапки цеплялись и выкарабкивались из куколки. Всё дальше и дальше выдиралось что-то, и я разобрал – мокрую бабочку. Когда выбрались все шесть лапок, – задок выскочил, она вылезла и тут же села. Когда бабочка обсохла, она стала белая, расправила крылья, полетала, покружилась и села на окно.

Через два дня бабочка на подоконнике рядком наклала яиц и приклеила их. Яички

были желтые, 25 бабочек положили яйца. И я набрал 5000 яичек.

На другой год я выкормил уже больше червей и больше вымотал шелку.

Царь и слоны (Басня)

Один индейский царь велел собрать всех слепых и, когда они пришли, велел им показать своих слонов. Слепые пошли в конюшню и стали щупать слонов. Один ощупал ногу, другой – хвост, третий – репицу, четвертый – брюхо, пятый – спину, шестой – уши, седьмой – клыки, осьмой – хобот. Потом царь позвал слепых к себе и спросил: каковы мои слоны? Один слепой сказал: «Слоны твои похожи на столбы»; этот слепой щупал ноги. Другой слепой сказал: «Они похожи на веники»; этот щупал хвост. Третий сказал: «Они похожи на сучья»; этот щупал репицу [3]. Тот, что щупал живот, сказал: «Слоны похожи на кучу земли». Тот, что щупал бока, сказал: «Они похожи на стену»; тот, что щупал спину, сказал: «Они похожи на гору»; тот, что щупал уши, сказал: «Они похожи на платки»; тот, что щупал голову, сказал: «Они похожи на ступу»; тот, что щупал клыки, сказал: «Они похожи на рога»; тот, что щупал хобот, ска-

зал, что «они похожи на толстую веревку».

И все слепые стали спорить и ссориться.

Охота пуще неволи (Рассказ охотника)

Мы были на охоте за медведями. Товарищу пришлось стрелять по медведю; он ранил его, да в мягкое место. Осталось немного крови на снегу, а медведь ушел.

Мы сошлись в лесу и стали судить, как нам быть: идти ли теперь отыскивать этого медведя, или подождать три дня, пока медведь уляжется.

Стали мы спрашивать мужиков-медвежатников, можно или нельзя обойти теперь этого медведя? Старик медвежатник говорит: «Нельзя, надо медведю дать остепениться; дней чрез пять обойти можно, а теперь за ним ходить – только напугаешь, он и не ляжет».

А молодой мужик-медвежатник спорил со стариком и говорил, что обойти теперь можно. «По этому снегу, – говорит, – медведь далеко не уйдет, – медведь жирный. Он нынче же ляжет. А не ляжет, так я его на лыжах догоню».

И товарищ мой тоже не хотел теперь обходить и советовал подождать.

Я и говорю: «Да что спорить. Вы делайте, как хотите, а я пойду с Демьяном по следу. Обойдем – хорошо, не обойдем – всё равно делать нынче нечего, а еще не поздно».

Так и сделали.

Товарищи пошли к саням, да в деревню, а мы с Демьяном взяли с собой хлеба и остались в лесу.

Как ушли все от нас, мы с Демьяном осмотрели ружья, подоткнули шубы за пояса и пошли по следу.

Погода была хорошая: морозно и тихо. Но ходьба на лыжах была трудная: снег был глубокий и праховый. Осадки снега в лесу не было, да еще снежок выпал, накануне, так что лыжи уходили в снег на четверть, а где и больше.

Медвежий след издалека был виден. Видно было, как шел медведь, как местами по брюхо проваливался и выворачивал снег. Мы шли сначала в виду от следа, крупным лесом; а потом, как пошел след в мелкий ельник, Демьян остановился. «Надо, – говорит, – бросать след.

Должно быть, здесь ляжет. Присаживаться стал – на снегу видно. Пойдем прочь от следа и круг дадим. Только тише надо, не кричать, не кашлять, а то спугнешь».

Пошли мы прочь от следа, влево. Прошли шагов пятьсот, глядим – след медвежий опять перед нами. Пошли мы опять по следу, и вывел нас этот след на дорогу. Остановились мы на дороге и стали рассматривать, в какую сторону пошел медведь. Кое-где по дороге видно было, как всю лапу с пальцами отпечатал медведь, а кое-где – как в лаптях мужик ступал по дороге. Видно, что пошел он к деревне.

Пошли мы по дороге. Демьян и говорит: «Теперь смотреть нечего на дорогу; где сойдет с дороги вправо или влево, видно будет в снегу. Где-нибудь своротит, не пойдет же в деревню».

Прошли мы так по дороге с версту; видим впереди – след с дороги. Посмотрели – что за чудо! след медвежий, да не с дороги в лес, а из лесу на дорогу идет: пальцами к дороге. Я говорю: «Это другой медведь». Демьян посмотрел, подумал. «Нет, – говорит, – это он самый, только обманывать начал. Он задом с дороги

сошел». Пошли мы по следу, так и есть. Видно, медведь прошел с дороги шагов десять за дом, зашел за сосну, повернулся и пошел прямо. Демьян остановился и говорит: «Теперь верно обойдем. Больше ему и лечь негде, как в этом болоте. Пойдем в обход».

Пошли мы в обход, по частому ельнику. Я уж уморился, да и труднее стало ехать. То на куст можжевельный наедешь, зацепишь, то промеж ног елочка подвернется, то лыжа свернется без привычки, то на пень, то на колоду наедешь под снегом. Стал я уж уставать. Снял я шубу, и пот с меня так и льет. А Демьян как на лодке плывет. Точно сами под ним лыжи ходят. Ни зацепит нигде, ни свернется. И мою шубу еще себе за плечи перекинул и всё меня понукает.

Дали мы круг версты в три, обошли болото. Я уже отставать стал – лыжи сворачиваются, ноги путаются. Остановился вдруг впереди меня Демьян и машет рукой. Я подошел. Демьян пригнулся, шепчет и показывает: «Видишь, сорока над ломом щекочет; птица издали его дух слышит. Это он».

Взяли мы прочь, прошли еще с версту и

нашли опять на старый след. Так что мы кругом обошли медведя, и он в середине нашего обхода остался, Остановились мы. Я и шапку снял и расстегнулся весь: жарко мне, как в бане, весь, как мышь, мокрый. И Демьян покраснелся, рукавом утирается. «Ну, – говорит, – барин, дело сделали, теперь отдохнуть надо».

А уж заря сквозь лес краснеть стала. Сели мы на лыжи отдыхать. Достали хлеб из мешка и соль; поел я сначала снегу, а потом хлеба. И такой мне хлеб вкусный показался, что я в жизнь такого не ел. Посидели мы; уж и смеркаться стало. Я спросил Демьяна, далеко ли до деревни. «Да верст двенадцать будет. Дойдем ночью, а теперь отдохнуть надо. Надевай-ка шубу, барин, а то остудишься».

Наломал Демьян ветвей еловых, обил снег, настлал кровать, и легли мы с ним рядышком, руки под головы подложили. И сам не помню я, как заснул. Проснулся я часа через два. Треснуло что-то.

Я так крепко спал, что и забыл, где я заснул. Оглянулся я – что за чудо! Где я? Палаты какие-то белые надо мной, и столбы белые, и

на всем блестяки блестят. Глянул вверх – разводы белые, а промеж разводов свод какой-то вороненый, и огни разноцветные горят. Огляделся я, вспомнил, что мы в лесу и что это деревья в снегу и в инее мне за палаты показались, а огни – это звезды на небе промеж сучьев дрожат.

В ночь иней выпал: и на сучьях иней, и на шубе моей иней, и Демьян весь под инеем, и сыплется сверху иней. Разбудил я Демьяна. Стали мы на лыжи и пошли. Тихо в лесу; только слышно, как мы лыжами по мягкому снегу посовываем, да кое-где треснет дерево от мороза, и по всему лесу голк раздается. Один раз только живое что-то зашумело близехонько от нас и прочь побежало. Я так и думал, что медведь. Подошли к тому месту, откуда зашумело, увидали следы заячьи, и осинки обглоданы. Это зайцы кормились.

Вышли мы на дорогу, привязали лыжи за собой и пошли по дороге. Идти легко стало. Лыжи сзади по накатанной дороге раскатываются, громыхают, снежок под сапогами поскрипывает, холодный иней на лицо, как пушок, липнет. А звезды вдоль по сучьям точно

навстречу бегут, засветятся, потухнут, – точно всё небо ходуном ходит.

Товарищ спал, – я разбудил его. Мы рассказали, как обошли медведя, и велели хозяину к утру собрать загонщиков-мужиков. Поужинали и легли спать.

Я бы с усталости проспал до обеда, да товарищ разбудил меня. Вскочил я, смотрю: товарищ уж одет, с ружьем что-то возится.

«А где Демьян?» – «Он уже давно в лесу. Уж и обклад поверил, сюда прибежал; а теперь повел загонщиков заводить». Умылся я, оделся, зарядил свои ружья; сели в сани, поехали.

Мороз все держал крепкий, тихо было, и солнца не видать было; туман стоял наверху, и иней садился.

Проехали мы версты три по дороге, подъехали к лесу. Видим: в низочке дымок синее и народ стоит, – мужики и бабы с дубинами.

Слезли мы, подошли к народу. Мужики сидят, картошки жарят, смеются с бабами.

И Демьян с ними. Поднялся народ, повел их Демьяд расставлять кругом по нашему вчерашнему обходу. Вытянулись мужики и бабы ниткой, 30 человек – только по пояс их

видно – зашли в лес; потом пошли мы с товарищем по их следу.

Дорожка хоть и натоптана, да тяжело идти; зато падать некуда, – как промежду двух стен идешь.

Прошли мы так с полверсты; смотрим – уж Демьян с другой стороны к нам бежит на лыжах, машет рукой, чтоб к нему шли.

Подошли мы к нему, показал нам места. Стал я на свое место, огляделся.

Налево от меня высокий ельник; сквозь него далеко видно, и за деревьями чернеется мне мужик-загонщик. Против меня частый, молодой ельник в рост человека. И на ельнике сучья повисли и слиплись от снега. В середине ельника дорожка, засыпанная снегом. Дорожка эта прямо на меня идет. Направо от меня частый ельник, а на конце ельника полянка. И на этой полянке, вижу я, что Демьян ставит товарища.

Осмотрел я свои два ружья, взвел курки и стал раздумывать, где бы мне лучше стать. Сзади меня в трех шагах большая сосна. «Дай стану у сосны и ружье другое к ней прислоню». Полез я к сосне, провалился выше колен,

обтоптал у сосны площадку аршина в полтора и на ней устроился. Одно ружье взял в руки, а другое с взведенными курками прислонил к сосне. Кинжал я вынул и вложил, чтобы знать, что в случае нужды он легко вынимается.

Только я устроился, слышу, кричит в лесу Демьян.

«Пошел! в ход пошел! пошел!» И как закричал Демьян, на кругу закричали мужики разными голосами, «Пошел! Уууу!..» – кричали мужики. «Ай! И-их!» – кричали бабы тонкими голосами.

Медведь был в кругу. Демьян гнал его. Кругом везде кричал народ, только я и товарищ стояли, молчали и не шевелились, ждали медведя. Стою я, смотрю, слушаю, сердце у меня так и стучит. Держусь за ружье, подрагиваю. Вот-вот, думаю, выскочит, прицелюсь, выстрелю, упадет... Вдруг налево слышу я, в снегу обваливается что-то, только далеко. Глянул я в высокий ельник: шагов на 50, за деревьями, стоит что-то черное, большое. Приложился я и жду. Думаю, не подбежит ли ближе. Смотрю: шевельнул он ушами, повернулся и

назад. Сбоку мне его всего видно стало. Здоровенный зверище! Нацелился я сгоряча. Хлоп! – слышу: шлепнулась об дерево моя пуля. Смотрю из-за дыма, – медведь мой назад катит в обклад и скрылся за лесом. Ну, думаю, пропало мое дело; теперь уж не набежит на меня; либо товарищу стрелять, либе через мужиков пойдет, а уж не на меня. Стою я, зарядил опять ружье и слушаю. Кричат мужики со всех сторон, но с правой стороны, недалеко от товарища, слышу, непутем кричит какая-то баба: «Вот он! Вот он! Вот он! Сюда! Сюда! Ой, ой! Ай, ай, ай!»

Видно – на глазах медведь. Не жду уже я к себе медведя и гляжу направо, на товарища. Смотрю: Демьян с палочкой без лыж, по тропинке бежит к товарищу; присел подле него и палкой указывает ему на что-то, как будто целится. Вижу: товарищ вскинул ружье, целится туда, куда показывает Демьян. Хлоп! – выпалил. «Ну, – думаю, – убил». Только, смотрю, не бежит товарищ за медведем. «Видно, промах или плохо попал, – уйдет, – думаю, – теперь медведь назад, а ко мне уже не выскочит!» Что такое? Впереди себя слышу вдруг –

как вихорь летит кто-то, близехонько сыплется снег, и пыхтит. Поглядел я перед собой: а он прямехонько на меня по дорожке между частым ельником катит стремглав и, видно, со страху сам себя не помнит. Шагах от меня в пяти весь мне виден: грудь черная, и голова огромная с рыжинкой. Летит прямехонько на меня лбом и сыплет снег во все стороны. И вижу я по глазам медведя, что он не видит меня, а с испугу катит благим матом, куда попало. Только ход ему прямо на сосну, где я стою. Вскинул я ружье, выстрелил, – а уже он еще ближе. Вижу, не попал, пулю пронесло; а он и не слышит, катит на меня и всё не видит. Пригнул я ружье, чуть не упер в него, в голову. Хлоп! – вижу, попал, а не убил.

Приподнял он голову, прижал уши, осклабился и прямо ко мне. Хватился я за другое ружье; но только взялся рукой, уж он налетел на меня, сбил с ног в снег и перескочил через. «Ну, – думаю, – хорошо, что он бросил меня». Стал я подниматься, слышу – давит меня что-то, не пускает. Он с налету не удержался, перескочил через меня, да повернулся передом назад и навалился на меня всею грудью. Слы-

шу я, лежит на мне тяжелое, слышу теплое над лицом и слышу, забирает он в пасть все лицо мое. Нос мой уж у него во рту, и чую я – жарко и кровью от него пахнет. Надавил он меня лапами за плечи, и не могу я шевельнуться. Только подгибаю голову к груди, из пасти нос и глаза выворачиваю. А он норовит как раз в глаза и нос зацепить. Слышу: нацепил он зубами верхней челюстью в лоб под волосами, а нижней челюстью в маслак под глазами, стиснул зубы, Начал давить. Как ножами режут мне голову; бьюсь я, выдергиваюсь, а он торопится и как собака грызет – жамкнет, жамкнет. Я вывернусь, он опять забирает. «Ну, – думаю, – конец мой пришел». Слышу, вдруг полегчало на мне. Смотрю, нет его: соскочил он с меня и убежал.

Когда товарищ и Демьян увидали, что медведь сбил меня в снег и грызет, они бросились ко мне. Товарищ хотел поскорее поспеть, да ошибся; вместо того, чтобы бежать по протоптанной дорожке, он побежал целиком и упал. Пока он выкарабкивался из снега, медведь все грыз меня. А Демьян, как был, без ружья, с одной хворостиной, пустился по до-

рожке, сам кричит: «Барина заел! Барина заел!» Сам бежит и кричит на медведя: «Ах ты, баламутный! Что делает! Брось! Брось!»

Послушался медведь, бросил меня и побежал. Когда я поднялся, на снегу крови было, точно барана зарезали, и над глазами лохмотьями висело мясо, а сторяча больно не было.

Прибежал товарищ, собрался народ, смотрят мою рану, снегом примачивают. А я забыл про рану, спрашиваю: «Где медведь, куда ушел?» Вдруг слышим: «Вот он! вот он!» Видим: медведь бежит опять к нам. Схватились мы за ружья, да не успел никто выстрелить, — уж он пробежал. Медведь остервенел, — хотелось ему еще погрызть, да увидал, что народу много, испугался. По следу мы увидели, что из медвежьей головы идет кровь; хотели идти догонять, но у меня разболелась голова, и поехали в город к доктору.

Доктор зашил мне раны шелком, и они стали заживать.

Через месяц мы поехали опять на этого медведя; но мне не удалось добить его. Медведь не выходил из обклада, а все ходил кругом и ревел страшным голосом. Демьян добил

его. У медведя этого моим выстрелом была перебита нижняя челюсть и выбит зуб.

Медведь этот был очень велик и на нем прекрасная черная шкура.

Я сделал из нее чучелу, и она лежит у меня в горнице. Раны у меня на лбу зажили, так что только чуть-чуть видно, где они были.

Наседка и цыплята

(Басня)

Наседка вывела цыплят и не знала, как их убересть. Она и сказала им: «Полезайте опять в скорлупу; когда вы будете в скорлупе, я сяду на вас, как прежде сидела, и уберегу вас». Цыплята послушались, полезли в скорлупу, но не могли никак влезть в нее и только помяли себе крылья. Тогда один цыпленок и сказал матери: «Если нам всегда оставаться в скорлупе, ты бы лучше и не выводила нас».

Газы (Рассуждение)

I

Воздух бывает разный, хотя он всегда светлый и не видный.

Вода расходуется в воздухе, делается летучею; и когда много воды в воздухе, он бывает сырой, когда мало – сухой. Когда в закрытом месте надышат люди, воздух бывает дурной, нездоровый; а на открытых местах или в лесу – воздух здоровый, хороший. Это бывает оттого, что в закрытой комнате к обыкновенному воздуху прибавился тот дурной воздух, который выдыхают из себя люди и все животные.

Стало быть, в воздухе есть разные части, и их глазом нельзя отличить: все похоже на обыкновенный воздух. Эти разные вещества, разные газы смешаны в воздухе так, как вода с уксусом или с вином. Если в воду налить водки, то вода и водка перемешаются так, что глазом не разберешь, – есть ли в воде водка,

или нет, и много ли ее, или мало. Но понюхать – и можно разобрать; так и в воздухе бывает разная смесь, и глазами ничего нельзя видеть, а можно только почувствовать, когда долго подышишь. В хорошем воздухе дышать приятно и здорово, в дурном тяжело и иногда вредно.

Для дыхания нужнее всех частей воздуха одна, называемая *кислородом*. Если собрать этот газ отдельно и всунуть в него курилку, то она сейчас загорится огнем. Стало быть, от него дерево и всякая другая вещь горит сильнее. А если кислорода нет в воздухе и всунуть в такой воздух курилку, она погаснет.

Оттого воздух и нужен для горения, что в нем есть кислород. Чтобы огонь разгорелся, на него дуют, машут, а если хочешь, чтобы загоревшаяся вещь погасла, сделай так, чтобы вокруг нее не было воздуха: накрой ее, зажми со всех сторон, и она погаснет.

Другая часть воздуха – *азот*. В нем дышать нельзя, и вещи не могут гореть.

Третья часть воздуха – углекислый газ, *углекислота*. Она тоже не годится ни для дыхания, ни для горения. Этого газа мало в возду-

хе, но он везде есть. Когда же его наберется много, то он опускается и собирается внизу, потому что он тяжелее других газов.

Четвертая часть воздуха – водяные пары, летучая вода.

Когда мы дышим, то кислород уходит в наше тело, и в том воздухе, который мы выдыхаем, кислорода меньше, чем в обыкновенном воздухе, а зато больше углекислоты. Вот отчего воздух становится дурным от дыхания.

Деревья, травы и все растения тоже дышат, только они не втягивают в себя воздух, как мы втягиваем грудью, а вбирают его всеми листочками и молодой корой. И из всех листочков тоже незаметно выдыхается воздух; и этот воздух тоже не такой, как обыкновенный: в нем меньше углекислоты и больше кислорода. Стало быть, растениям нужна углекислота, которая не нужна и вредна животным. И вот отчего в лесу воздух Такой здоровый: там углекислоты меньше и кислорода больше.

II

Если в ведро с водой набросать камней, пробок, соломы, дерева сухого и сырого, насыпать песку, глины, соли, налить туда же масла, водки, и все это взболтать и смешать и потом посмотреть, что будет делаться, то увидишь, что камни, глина, песок пойдут на дно, сухое дерево, солома, пробки, масло всплывут кверху, соль и водка распустятся, так что их не будет видно. Все это будет сначала кружиться, шевелиться, толкать друг друга, а потом все найдет себе место и расстановится: что тяжелее, то скорее пойдет книзу; что легче, то скорей пойдет наверх.

Точно так же в воздухе, над землею, размещаются все газы. Какие тяжелее воздуха, те садятся ниже; какие легче, те поднимаются выше; какие могут распуститься, те расходятся по всему воздуху.

Если бы газы не делались новые, не смешивались бы с другими, не переменялись бы, то воздух бы стоял над землею и не шевелился бы, как вода в ведре, когда она устоится; но на земле беспрестанно делаются новые газы,

и те, какие есть, смешиваются с другими веществами.

Каждый человек, каждое животное когда дышит, то выбирает из воздуха кислород и в самом себе смешивает его с веществами своего тела, а выпускает уже другим газом. Всякое растение – трава, дерево – забирает в себя углекислоту и выпускает кислород. Вода в одном месте из жидкой делается летучею, водяным газом, невидимым паром; в другом месте из летучей воды делается жидкая. От этого в воздухе всегда ходят разные газы; какие легче, те идут вверх, какие тяжелее, те опускаются вниз, и ходят газы беспрестанно, как в ведре с водой разные вещества. Но всего больше весь воздух шевелится и ходит оттого, что – как он где нагреется, так поднимается кверху, а как остынет, так идет книзу. Когда в солнечный день солнце сбоку светит в окно, то в лучах солнца видно, как кружатся и прыгают кверху и книзу пылинки. Это кружится теплый и холодный воздух и носит с собою легкие пылинки.

Лев, осел и лисица (Басня)

Лев, осел и лисица вышли на добычу. Наловили они много зверей, и лев велел ослу делить. Осел разделил поровну на три части и говорит: «Ну, теперь берите!» Лев рассердился, съел осла и велел лисице переделит. Лисица все собрала в одну кучу, а себе чуточку оставила. Лев посмотрел и говорит: «Ну, умница! Кто ж тебя научил так хорошо делить?»

Она говорит: «А с ослом-то что было?»

Старый тополь

(Рассказ)

Пять лет наш сад был заброшен; я нанял работников с топорами и лопатами и сам стал работать с ними в саду. Мы вырубали и вырезывали сушь и дичь и лишние кусты и деревья. Больше всего разрослись и глушили другие деревья – тополь и черемуха. Тополь идет от корней, и его нельзя вырыть, а в земле надо вырубать корни. За прудом стоял огромный в два обхвата тополь. Вокруг него была полянка; она вся заросла отростками тополей. Я велел их рубить: мне хотелось, чтобы место было веселее, а главное, – мне хотелось облегчить старый тополь, потому что я думал: все эти молодые деревья от него идут и из него тянут сок. Когда мы вырубали эти молодые топольки, мне иногда жалко становилось смотреть, как разрубали под землею их сочные коренья, как потом вчетвером мы тянули и не могли выдернуть надрубленный тополек. Он изо всех сил держался и не хотел умирать. Я подумал: видно, нужно им жить,

если они так крепко держатся за жизнь. Но надо было рубить, и я рубил. Потом уже, когда было поздно, я узнал, что не надо было уничтожать их.

Я думал, что отростки вытягивают сок из старого тополя, а вышло наоборот. Когда я рубил их, старый тополь уже умирал. Когда распустились листья, я увидал (он расходился на два сука), что один сук был голый; и в то же лето он засох. Он давно уже умирал и знал это и передал свою жизнь в отростки.

От этого они так скоро разрослись, а я хотел его облегчить – и побил всех его детей.

Черемуха (Рассказ)

Одна черемуха выросла на дорожке из орешника и заглушала лещиновые кусты. Долго думал я – рубить или не рубить ее: мне жаль было. Черемуха эта росла не кустом, а деревом, вершка три в отрубе и сажени 4 в вышину, вся развилистая, кудрявая и вся обсыпанная ярким, белым, душистым цветом. Издалека слышен был ее запах. Я бы и не срубил ее, да один из работников (я ему прежде сказал вырубить всю черемуху) без меня начал рубить ее. Когда я пришел, уже он врубился в нее вершка на полтора, и сок так и хлюпал под топором, когда он попадал в прежнюю тяпку. «Нечего делать, видно, судьба», – подумал я, взял сам топор и начал рубить вместе с мужиком.

Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топор, и потом напрямик подсесть подкошенное, и дальше и дальше врубаться в дерево.

Я совсем забыл о черемухе и только думал

о том, как бы скорее свалить ее. Когда я запы-
хался, я положил топор, уперся с мужиком в
дерево и попытался свалить его.

Мы качнули: дерево задрожало листьями,
и на нас закапало с него росой, и посыпались
белые, душистые лепестки цветов.

В то же время, точно вскрикнуло что-то, –
хрустнуло в середине дерева; мы налегли, и
как будто заплакало, – затрещало в середине, и
дерево свалилось. Оно разодралось у надруба
и, покачиваясь, легло сучьями и цветами на
траву. Подрожали ветки и цветы после паде-
ния и остановились.

«Эх! штука-то важная! – сказал мужик. –
Живо жалко!» А мне так было жалко, что я по-
скорее отошел к другим рабочим.

Как ходят деревья (Рассказ)

Раз мы вычищали на полубугре подле пруда заросшую дорожку, много нарубили шиповника, лозины, тополя, потом пришла черемуха. Росла она на самой дороге и была такая старая и толстая, что ей не могло быть меньше 10 лет. А пять лет тому назад, я знал, что сад был чищен. Я никак не мог понять, как могла тут вырасти такая старая черемуха. Мы срубили ее и прошли дальше. Дальше, в другой чаще, росла другая такая же черемуха, даже еще потолще. Я осмотрел ее корень и нашел, что она росла под старой липой. Липа своими сучьями заглушила ее, и черемуха протянулась аршин на пять прямым стеблем по земле; а когда выбралась на свет, подняла голову и стала цвести. Я срубил ее в корне и подивился тому, как она была свежа и как гнил был корень. Когда я срубил ее, мы с мужиками стали ее оттаскивать; но сколько мы ни тащили, не могли ее сдвинуть: она как будто прилипла. Я сказал: «Посмотри, не заце-

пили ли где?» Работник подлез под нее и закричал» «Да у ней другой корень, вот на дороге!» Я подошел к нему и увидел, что это была правда.

Черемуха, чтобы ее не глушила липа, перешла из-под липы на дорожку, за три аршина от прежнего корня. Тот корень, что я срубил, был гнилой и сухой, а новый был свежий. Она почуяла, видно, что ей не жить под липой, вытянулась, вцепилась сучком за землю, сделала из сучка корень, а тот корень бросила. Тогда только я понял, как выросла та первая черемуха на дороге. Она то же, верно, сделала, – но успела уже совсем отбросить старый корень, так что я не нашел его.

Дергач и его самка (Басня)

Дергач поздно свил в лугу гнездо, и в покос еще самка сидела на яйцах. Рано утром мужики пришли к лугу, сняли кафтаны, наточили косы и пошли друг за другом подрезать траву и класть рядами. Дергач вылетел посмотреть, что делают косцы. Когда он увидал, что один мужик махнул косой и разрезал пополам змею, он обрадовался, прилетел к дергачихе и сказал: «Не бойся мужиков; они пришли резать змей; нам давно от них житья нет». А дергачиха сказала: «Мужики режут траву, а с травой режут все, что ни попадетсЯ: и змею, и дергачиное гнездо, и дергачиную голову. Не добро чует мое сердце; а нельзя мне ни унести яиц, ни улететь с гнезда, чтобы не остудить их».

Когда косцы дошли до дергачиного гнезда, один мужик махнул косой и срезал дергачихе голову, а яйца положил за пазуху и отдал ребятам играть.

Как делают воздушные шары (Рассуждение)

Если взять надутый пузырь и опустить его в воду, а потом пустить, то пузырь выскочит на верх воды и станет по ней плавать. Точно так же, если кипятить чугунок воды, то на дне, над огнем, вода делается летучею, газом; и как соберется пар, немножко водяного газа, он сейчас пузырем выскочит наверх. Сперва выскочит один пузырь, потом другой, а как нагреется вся вода, то пузыри выскакивают не переставая: тогда вода *кипит*.

Так же, как из воды выскакивают наверх пузыри, надутые летучею водой, потому что они легче воды, – так из воздуха выскочит на самый верх воздуха пузырь, надутый газом – *водородом*, или горячим воздухом, потому что горячий воздух легче холодного воздуха, а водород легче всех газов.

Воздушные шары делают из водорода и из горячего воздуха. Из водорода шары делают вот как: сделают большой пузырь, привяжут

его веревками к кольям и напустят в него водорода. Как только отвяжут веревку, пузырь полетит кверху, и летит до тех пор, пока не выскочит из того воздуха, который тяжелее водорода. А когда выскочит наверх, в легкий воздух, то начнет плавать по воздуху, как пузырь на воде. Из горячего воздуха делают воздушные шары вот как: сделают большой пустой шар с горлышком внизу, как перевернутый кувшин, и в горлышке приделают клок хлопка, и хлопок этот намочат в спирт и зажгут. От огня разогреется воздух в шаре и станет легче воздуха холодного, и шар потянет кверху, как пузырь из воды. И шар будет лететь до тех пор кверху, пока не придет в воздух легче горячего воздуха в шаре.

Почти сто лет тому назад, французы, братья Монгольфьеры, выдумали воздушные шары. Они сделали шар из полотна с бумагой, напустили в него горячего воздуха; шар полетел. Тогда они сделали другой шар побольше, подвязали под шар барана, петуха и утку и пустили. Шар поднялся и опустился благополучно. Потом уже подделали под шар лодочку и в лодочку сел человек. Шар взлетел так вы-

соко, что скрылся из виду: полетал и потом спустился благополучно. Потом придумали наполнять шары водородом и стали летать еще выше и скорее.

Для того, чтобы летать на шару, подвизывают под него лодочку, и в эту лодочку садятся по двое, по трое и даже по восьми человек и берут с собою питье и еду.

Для того, чтобы спускаться и подниматься, когда хочешь, в шару сделан клапан, и этот клапан тот, кто летит, может за веревку потянуть и открывать и закрывать. Если шар слишком, высоко поднимется и, кто летит, хочет спустить его, то он откроет клапан, газ выйдет, шар сожмется и станет спускаться. Кроме того, на шару всегда есть мешки с песком. Если сбросить мешок, то шару будет легче, и он пойдет кверху. Если кто летит, хочет спуститься и видит, что внизу неладно, – или река или лес, то он высыпает песок из мешков, и шар становится легче и опять поднимается.

Рассказ аэронавта

Народ собрался смотреть на то, как я полечу. Шар был готов. Он подрагивал, рвался вверх на четырех канатах и то морщился, то надувался. Я простился с своими, сел в лодку, осмотрел, все ли мои припасы были по местам, и закричал: «Пускай!» Канаты подрезали, и шар поднялся кверху, сначала тихо, – как жеребец сорвался с привязи и оглядывался, – и вдруг дернул кверху и полетел так, что дрогнула и закачалась лодка. Внизу захлопали в ладоши, закричали и замахали платками и шляпами. Я взмахнул им шляпой и не успел опять надеть ее, как уж я был так высоко, что с трудом мог разобрать людей. Первую минуту мне стало жутко и мороз пробежал по жилам; но потом вдруг так стало весело на душе, что я забыл бояться. Мне уж чуть слышен был шум в городе. Как пчелы, шумел народ внизу. Улицы, дома, река, сады в городе виднелись мне внизу, как на картинке. Мне казалось, что я царь над всем городом и народом, – так мне весело было наверху. Я шибко поднимался кверху, только подрагивали ве-

ревки в лодке, да раз налетел на меня ветер, перевернул меня два раза на месте; но потом опять не слышать было, лечу ли я, или стою на месте. Я только потому замечал, что лечу кверху, что все меньше и меньше становилась подо мной картинка города и дальше становилось видно. Земля точно росла подо мной, становилась шире и шире, и вдруг я заметил, что земля подо мной стала, как чашка. Края были выпуклые, – на дне чашки был город. Мне веселее и веселее становилось. Весело и легко было дышать и хотелось петь. Я запел, но голос мой был такой слабый, что я удивился и испугался своему голосу.

Солнце стояло еще высоко, но на закате тянулась туча, – и вдруг она закрыла солнце. Мне опять стало жутко, и я, чтоб заняться чем-нибудь, достал барометр и посмотрел на него, и по нем узнал, что я поднялся уже на 4 версты. Когда я клал на место барометр, что-то затрепыхалось около меня, и я увидел голубка. Я вспомнил, что взял голубка затем, чтобы спустить его с записочкой вниз. Я написал на бумажке, что я жив и здоров, на 4-х верстах высоты, и привязал бумажку к шее

голубя. Голубь сидел на краю лодки и смотрел на меня своими красноватыми глазами. Мне казалось, что он просил меня, чтобы я не сталкивал его. С тех пор, как стало пасмурно, внизу ничего не было видно. Но нечего делать, надо было послать вниз голубя. Он дрожал всеми перышками, когда я взял его в руку. Я отвел руку и бросил его. Он, часто махая крыльями, полетел боком, как камень, книзу. Я посмотрел на барометр. Теперь я уже был на пять верст над землею и почувствовал, что мне воздуха мало, и я часто стал дышать. Я потянул за веревку, чтобы выпустить газ и спускаться, но ослабел ли я, или сломалось что-нибудь, – клапан не открывался, Я обмер. Мне не слышать было, чтобы я поднимался, ничто не шевелилось, но дышать мне становилось все тяжелее и тяжелее. «Если я не остановлю шар, – подумал я, – то он лопнет, и я пропал». Чтобы узнать, поднимаюсь ли я, или стою на месте, я выбросил бумажки из лодки. Бумажки, точно камни, летели книзу. Значит, я, как стрела, летел кверху. Я изо всех сил ухватился за веревку и потянул. Слава богу, клапан открылся, засвистало что-то. Я вы-

бросил еще бумажку, – бумажка полетела около меня и поднялась. Значит, я опускался. Внизу все еще ничего не было видно, только как море тумана расстилалось подо мной. Я спустился в туман: это были тучи. Потом подул ветер, понес меня куда-то, и скоро выглянуло солнце, и я увидал под собой опять чашку земли. Но не было еще нашего города, а какие-то леса и две синие полосы – реки. Опять мне радостно стало на душе и не хотелось спускаться; но вдруг что-то зашумело подле меня, и я увидал орла.

Он удивленными глазами поглядел на меня и остановился на крыльях. Я, как камень, летел вниз. Я стал скидывать балласт, чтобы задержаться.

Скоро мне стали видны поля, лес и у леса деревня, и к деревне идет стадо. Я слышал голоса народа и стада. Шар мой спускался тихо. Меня увидали. Я закричал; и бросил им веревки. Сбежался народ. Я увидел, как мальчик первый поймал веревку. Другие подхватили, прикрутили шар к дереву, и я вышел. Я летал только 3 часа. Деревня эта была за 250 верст от моего города.

Корова и козел (Сказка)

У старухи были корова и козел. Корова и козел вместе ходили в стадо. Корова все ворочалась, когда ее доили. Старуха вынесла хлеба с солью, дала корове и приговаривала: «Да стой же, матушка; на, на; еще вынесу, только стой смирно».

На другой вечер козел вперед коровы вернулся с поля, расставил ноги и стал перед старухой. Старуха замахнулась на него полотенцем, но козел стоял, не шевелился. Он помнил, что старуха обещала хлеба корове, чтобы стояла смирно. Старуха видит, что козел не понимает, взяла палку и прибила его.

Когда козел отошел, старуха опять стала кормить корову хлебом и уговаривать ее.

«Нет в людях правды! – подумал козел. – Я смирнее ее стоял, а меня прибили».

Он отошел к сторонке, разбежался, ударил в подойник, разлил молоко и зашиб старуху.

Ворон и воронята (Басня)

Ворон свил себе гнездо на острове, и когда воронята вывелись, он стал их переносить с острова на землю. Сперва он взял в когти одного вороненка и полетел с ним через море. Когда старый ворон вылетел на средину моря, он умирался, стал реже махать крыльями и подумал: теперь я силен, а он слаб, я перенесу его через море; а когда он станет велик и силен, а я стану слаб от старости, вспомнит ли он мои труды и будет ли переносить меня с места на место? И старый ворон спросил вороненка: «Когда я буду слаб, а ты будешь силен, будешь ли ты носить меня? Говори мне правду!» Вороненок боялся, что отец бросит его в море, и сказал: «Буду». Но старый ворон не поверил сыну и выпустил вороненка из когтей. Вороненок, как комок, упал книзу и потонул в море. Старый ворон один полетел через море назад на свой остров. Потом старый ворон взял другого вороненка и также понес его через море. Опять он умирался на

средине моря и спросил сына, будет ли он его в старости переносить с места на место. Сын испугался, чтобы отец не бросил его, и сказал: «Буду».

Отец не поверил и этому сыну и бросил его в море. Когда старый ворон прилетел назад к своему гнезду, у него оставался один вороненок. Он взял последнего сына и полетел с ним через море. Когда он вылетел на середину моря и устал, он спросил: «Будешь ли ты в моей старости кормить меня и переносить с места на место?» Вороненок сказал: «Нет, не буду». – «Отчего?» – спросил отец. «Когда ты будешь стар, а я буду большой, у меня будет свое гнездо и свои воронята, и я буду кормить и носить своих детей». Тогда старый ворон подумал: «Он правду сказал, за то потружусь и перенесу его за море». И старый ворон не выпустил вороненка, а из последних сил замахал крыльями и перенес на землю, чтобы он свил себе гнездо и вывел детей.

Солнце – тепло (Рассуждение)

Выйди зимой в тихий морозный день в поле или в лес и посмотри кругом себя и послушай: везде кругом снег, реки замерзли, сухие травки торчат из-под снега, деревья стоят голые, ничто не шевелится.

Посмотри летом: реки бегут, шумят; в каждой лужице лягушки кричат, бубулькают; птицы перелетывают, свистят, поют; мухи, комары вьются, жужжат; деревья, травы растут, махаются.

Заморозь чугуна с водой – он окаменеет. Поставь замороженный чугун в огонь: станет лед трескаться, таять, пошевеливаться; станет вода качаться, бульки пускать; потом, как станет кипеть, загудит, завертится. То же делается и на свете от тепла. Нет тепла – все мертво; есть тепло – все движется и живет. Мало тепла – мало движенья; больше тепла – больше движенья; много тепла – много движенья; очень много тепла – и очень много движенья.

Откуда берется тепло на свете? Тепло от солнца.

Ходит солнце низко зимой, стороною, не упирает лучами в землю, и ничто не шевелится. Станет солнышко ходить выше над головами, станет светить в припор к земле, отогревается все на свете и начнет шевелиться.

Станет снег осаживаться, станет отдувать лед на реках, польется вода с гор, поднимутся пары из воды в облака, пойдет дождь. Кто это все сделает? Солнце. Оттают семечки, выпустят ростки, зацепятся ростки за землю; из старых кореньев пойдут побеги, начнут расти деревья и травы. Кто это сделал? Солнце.

Встанут медведи, кроты; очнуты мухи, пчелы; выведутся комары, выведутся рыбы из ичинок на тепле. Кто все это сделал? Солнце.

Разогреется в одном месте воздух, подыметя, а на его место пойдет воздух похолоднее, – станет ветерок. Кто это сделал? Солнце.

Поднимутся облака, станут сходиться и расходиться, – ударит молния. Кто сделал этот огонь? Солнце.

Вырастут травы, хлеба, плоды, деревья; насытятся животные, напитаются люди, соберут

корму и топлива на зиму; построят себе люди дома, построят чугушки, города. Кто все приготовил? Солнце.

Человек построил себе дом. Из чего он его сделал? Из бревен. Бревна вырублены из деревьев; деревья вырастило солнце.

Топится печка дровами. Кто вырастил дрова? Солнце.

Ест человек хлеб, картофель. Кто вырастил? Солнце. Ест человек мясо. Кто выкормил животных, птиц? Травы. А травы вырастило солнце.

Человек строит каменный дом из кирпича в известки. Кирпич и известка обожжены дровами. Дрова заготовило солнце.

Все, что людям нужно, что идет прямо на пользу, все это заготавливается солнцем, и во все идет много солнечного тепла. Потому и нужен всем хлеб, что его растило солнце и что в нем много солнечного тепла. Хлеб греет того, кто его ест.

Потому и нужны дрова и бревна, что в них много тепла. Кто закупит дров на зиму, тот закупит солнечного тепла; и зимой, когда захочет, то и зажжет дрова в выпустит тепло сол-

нечное себе в горницу.

А когда есть тепло, то есть и движение. Какое ни на есть движение – все от тепла, – либо прямо от солнечного тепла, либо от тепла того, которое заготовило солнце в угле, в дровах, и в хлебе, и в траве.

Лошади, быки возят, люди работают, – что их *двигает*? Тепло. А откуда они взяли тепло? Из корма. А корм заготовило солнце.

Водяные и ветряные мельницы вертятся и мелют. Кто их двигает? Ветер и вода. А ветер кто гонит? Тепло. А воду кто гонит? Тепло же. Оно подняло воду парами вверх, и без этого вода не падала бы книзу. Машина работает, – ее движет пар; а пар кто делает? Дрова. А в дровах тепло солнечное.

Из тепла делается движение, а из движения тепло. И тепло и движение от солнца.

Отчего зло на свете (Басня)

Пустынник жил в лесу, и звери не боялись его. Он и звери говорили между собою и понимали друг друга.

Один раз пустынник лег под дерево, а ворон, голубь, олень и змея собрались ночевать к тому же месту. Звери стали рассуждать, отчего зло бывает на свете.

Ворон сказал: «Зло на свете все от голода. Когда поешь вволю, сядешь себе на сук, покаркаешь – все весело, хорошо, на все радуешься; а вот только поголодай день-другой, и все так противно станет, что и не смотрел бы на свет божий. И все тебя тянет куда-то, перелетаешь с места на место, и нет тебе покоя. А завидишь мясо, так еще тошнее делается, так и бросишься без разбора. Другой раз и палками-то, и камнями в тебя кидают, и волки и собаки хватают, а ты все не отстаешь. И сколько так из-за голода пропадает нашего брата. Все зло от голода».

Голубь сказал: «А по мне, не от голода зло,

а все зло от любви. Кабы мы жили по одному, нам бы горя мало. Одна голова не бедна, а и бедна, так одна. А то мы живем всегда парочками. И так полюбишь свою дружку, что нет тебе покоя – все о ней думаешь: сыта ли, тепла ли она? А как улетит куда-нибудь от тебя дружка, тут уж совсем пропадешь, – все думаешь: как бы ястреб не унес или люди не поймали бы; и сам полетишь ее искать, да и залетишь в беду, – либо под ястреба, или в силоч. А если пропадет дружка, так самому уже ничто не мило. Не ешь, не пьешь и только ищешь да плачешь. Сколько нас от этого пропадает! Все зло не от голода, а от любви».

Змея сказала: «Нет, зло не от голода и не от любви, а зло от злости. Кабы жили мы смиренно, не злились бы, – нам бы все хорошо было. А то как сделается что-нибудь не по тебе, разозлишься, – тогда уж ничто не мило. Только и думаешь, как зло свое на ком выместить. Тут уж сама себя не помнишь, только шипишь да ползаешь, ищешь, кого бы укусить. Уже никого не жалеешь – до тех пор злишься, пока сама себя погубишь. Все зло на свете от злости».

Олень сказал: «Нет, не от злости, и не от любви, и не от голода все зло на свете, а зло от страха. Кабы можно было не бояться, все бы хорошо было. Ноги у нас резвые, силы много. От маленького зверя рогами отобьешься, от большого уйдешь. Да нельзя не бояться. Только хрустни в лесу ветка, зашурши листья, так весь и затрясешься от страха, забьется сердце, точно выскочить хочет, и летишь что есть духу. Другой раз заяц пробежит, птица трепещется или сухая ветка обломится, а ты думаешь – зверь, да и набежишь на зверя. А то бежишь от собаки, – набежишь на человека. Часто испугаешься и бежишь, сам не знаешь куда, и с размаху оборвешься под кручь и убьешься. И спишь-то одним глазом, слушаешь и боишься. Нет покоя. Все зло от страха».

Тогда пустынник сказал:

– Не от голода, не от любви, не от злобы, не от страха все наши мученья, а от нашего тела все зло на свете. От него и голод, и любовь, и злоба, и страх.

Гальванизм (Рассуждение)

Был один ученый итальянец Гальвани. У него была электрическая машина, и он показывал своим ученикам, что такое электричество. Он натирал крепко стекло шелком с мазью и потом к стеклу подводил медную шишечку, укрепленную в стекле, и из стекла перескакивала искра в медную шишечку. Он толковал им, что бывает такая же искра от сургуча и от янтаря. Показывал, как перышки и бумажки иногда притягиваются электричеством, иногда отталкиваются, и отчего это бывает. Он много делал разных опытов с электричеством, и все это показывал ученикам.

Однажды у него заболела жена. Он позвал доктора и спросил, чем ее лечить. Доктор велел сделать ей суп из лягушек. Гальвани велел наловить съедобных лягушек. Ему наловили, убили их и положили к нему на стол.

Пока кухарка не приходила за лягушками, Гальвани продолжал показывать ученикам электрическую машину и пускать искры.

Вдруг он увидал, что мертвые лягушки на столе дрыгают ногами. Он стал присматриваться и заметил, что всякий раз, как он пустит искру из электрической машины, лягушки дрыгнут ногами. Гальвани набрал еще лягушек и стал над ними делать опыты. Всякий раз выходило так, что как пустит искру, так мертвые лягушки станут, как живые, шевелить ногами.

Гальвани и подумал, что живые лягушки не оттого ли шевелят ногами, что в них проходит электричество. А Гальвани знал, что электричество есть и в воздухе, что в сургуче, янтаре и стекле оно заметнее, но что оно есть в воздухе и что гроза и молния бывают от воздушного электричества.

Вот он и стал пытаться, не будут ли мертвые лягушки двигать ногами и от воздушного электричества. Для этого он взял лягушек, снял с них шкуру, отрезал головы и передние лапы и подвесил их медными крючками к крыше под железный желоб. Он думал, что когда найдет гроза и в воздухе будет много электричества, то через медную проволоку электричество пройдет в лягушек, и они нач-

нут шевелиться.

Только гроза проходила несколько раз, а лягушки не шевелились. Гальвани стал уже снимать их, да, снимая, тронул лягушечьей ногой о желоб, – и нога дрыгнула. Гальвани снял лягушек и стал пробовать так: он привязал к медному крючку железную проволоку и проволокой трогал лягушечью лапу, – и лапа дрыгала.

Вот Гальвани и решил, что все животные живы только оттого, что в них электричество и что электричество перескакивает от мозга в мясо и от этого животные движутся. Никто тогда еще не пробовал хорошенько этого дела и не знал, и все поверили Гальвани. Но в это время другой ученый Вольта стал пробовать по-своему и показал всем, что Гальвани ошибся. Он попробовал трогать лягушку не так, как Гальвани, не медным крючком с железною проволокой, а либо медною проволокой с медным крючком, либо железной с железным крючком, – и лягушки не шевелились. Лягушки шевелились только тогда, когда Вольта трогал их железною проволокой, связанною с медной.

Вольта и подумал, что электричество не в мертвой лягушке, а в железе и меди. Он стал пробовать, и точно: как только сведет вместе железо и медь, так и делается электричество; а от электричества уже и дрыгает ногами мертвая лягушка. Вольта и стал пробовать, как бы делать электричество не так, как прежде его делали. Прежде электричество делали тем, что натирали стекло или сургуч. А Вольта стал делать его тем, что железо и медь сводил вместе. Он пробовал сводить вместе железо и медь и другие металлы и дошел до того, что из одного соединения металлов: серебра, платины, цинка, олова, железа – он производил электрические искры.

После Вольты придумали еще усилить электричество тем, что промеж металлов стали наливать разные жидкости – воду и кислоты. От этих жидкостей электричество стало еще сильнее, так что уж не нужно, как прежде делали, тереть, чтобы было электричество; а стоит только положить в одну чашку кусков разного металла и налить жидкостей, и в этой чашке будет электричество, и будет выходить искра из проволоки.

Когда придумано было это электричество, стали его прилагать к делу: придумали золотить и серебрить электричеством, придумали свет электрический и придумали электричеством на дальнем расстоянии с места на место передавать знаки.

Для этого кладут куски разных металлов в стаканчики; в них наливают жидкости. В стаканчиках набирается электричество, и это электричество проводят по проволоке в то место, куда хотят, а из того места проволоку проводят на землю. Электричество в земле бежит опять назад к стаканчикам и поднимается к ним из земли по другой проволоке; так что электричество между двух мест не переставая ходит кругом, как в кольце, — по проволоке в землю и назад по земле, и опять по проволоке, и опять по земле. Если по проволоке пустить электричество и проволокою этой обмотать кусок железа, то железо это делается магнитом и будет к себе притягивать другое железо.

Телеграф делают так: пустят электричество по проволоке, и проволокою этой обмотают железный столбик. А над столбиком

приделан на перевесе железный молоточек. И пока электричество ходит по проволоке, железный столбик, обмотанный проволокой, притягивает к себе молоточек. Как только на другом конце – хоть за 100 верст – разведут концы проволоки врозь, электричество перестает ходить кругом, и железный столбик перестает быть магнитом и молоточек от него отпадает. Как сведут опять концы, так молоточек притягивается. И так можно с одной станции на другую постукивать молоточком. И по этим стукам уговорены знаки.

Мужик и водяной (Басня)

Мужик уронил топор в реку; с горя сел на берег и стал плакать.

Водяной услышал, пожалел мужика, вынес ему из реки золотой топор и говорит: «Твой это топор?»

Мужик говорит: «Нет, не мой».

Водяной вынес другой, серебряный топор.

Мужик опять говорит: «Не мой топор».

Тогда водяной вынес настоящий топор.

Мужик говорит: «Вот это мой топор».

Водяной подарил мужику все три топора за его правду.

Дома мужик показал товарищам топоры и рассказал, что с ним было.

Вот один мужик задумал то же сделать: пошел к реке, нарочно бросил свой топор в воду, сел на берег и заплакал.

Водяной вынес золотой топор и спросил: «Твой это топор?»

Мужик обрадовался и закричал: «Мой, мой!»

Водяной не дал ему золотого топора и его
собственного назад не отдал – за его неправ-
ду.

Ворон и лисица (Басня)

Ворон добыл мяса кусок и сел на дерево. Захотелось лисице мяса, она подошла и говорит:

– Эх, ворон, как посмотрю на тебя, – по твоему росту да красоте только бы тебе царем быть! И, верно, был бы царем, если бы у тебя голос был.

Ворон разинул рот и заорал что было мочи. Мясо упало. Лисица подхватила и говорит:

– Ах, ворон, коли бы еще у тебя и ум был, быть бы тебе царем.

Кавказский пленник (Быль)

1

Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин.

Пришло раз ему письмо из дома. Пишет ему старуха мать: «Стара я уж стала, и хочется перед смертью повидать любимого сынка. Приезжай со мной проститься, похорони, а там и с богом, поезжай опять на службу. А я тебе и невесту приискала: и умная, и хорошая, и именье есть. Полюбится тебе, может, и женишься и совсем останешься».

Жилин и раздумался: «И в самом деле: плоха уж старуха стала; может, и не придется увидеть. Поехать; а если невеста хороша – и жениться можно».

Пошел он к полковнику, выправил отпуск, простился с товарищами, поставил своим солдатам четыре ведра водки на прощанье и собрался ехать.

На Кавказе тогда война была. По дорогам

ни днем, ни ночью не было проезда. Чуть кто из русских отъедет или отойдет от крепости, татары или убьют, или уведут в горы. И было заведено, что два раза в неделю из крепости в крепость ходили провожатые солдаты. Спереди и сзади идут солдаты, а в середине едет народ.

Дело было летом. Собрались на зорьке обозы за крепость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дороге. Жилин ехал верхом, а телега с его вещами шла в обозе.

Ехать было 25 верст. Обоз шел тихо; то солдаты остановятся, то в обозе колесо у кого соскочит, или лошадь станет, и все стоят – дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обоз только половину дороги прошел. Пыль, жара, солнце так и печет, а укрыться негде. Голая степь, ни деревца, ни кустика по дороге.

Выехал Жилин вперед, остановился и ждет, пока подойдет обоз. Слышит, сзади на рожке заиграли, – опять стоять. Жилин и подумал: «А не уехать ли одному, без солдат? Лошадь подо мной добрая, если и нападусь на татар – ускачу. Или не ездить?..»

Остановился, раздумывает. И подъезжает к нему на лошади другой офицер, Костылин, с ружьем, и говорит:

– Поедем, Жилин, одни. Мочи нет, есть хочется, да и жара. На мне рубаху хоть выжми. – А Костылин – мужчина грузный, толстый, весь красный, а пот с него так и льет. Подумал Жилин и говорит:

– А ружье заряжено?

– Заряжено.

– Ну, так поедем. Только уговор – не разъезжаться.

И поехали они вперед по дороге. Едут степью, разговаривают да поглядывают по сторонам. Кругом далеко видно.

Только кончилась степь, пошла дорога промеж двух гор в ущелье, Жилин и говорит:

– Надо выехать на гору, поглядеть, а то тут, пожалуй, выскочат из-за горы и не увидишь.

А Костылин говорит:

– Что смотреть? поедем вперед.

Жилин не послушал его.

– Нет, – говорит, – ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустил лошадь налево, на гору. Лошадь

под Жилиным была охотницкая (он за нее сто рублей заплатил в табуне жеребенком и сам выездил); как на крыльях взнесла его на кручь. Только выскакал, глядь – а перед самым им, на десятину места, стоят татары верхами, – человек тридцать. Он увидел, стал назад поворачивать; и татары его увидали, пустились к нему, сами на скаку выхватывают ружья из чехлов. Припустил Жилин под кручь во все лошадиные ноги, кричит Костылину:

– Вынимай ружье! – а сам думает на лошадь свою: «Матушка, вынеси, не зацепись ногой, спотыкнешься – пропал. Доберусь до ружья, я им не дамся».

А Костылин, вместо того чтобы подождать, только увидел татар – закатился что есть духу к крепости. Плетью ожаривает лошадь то с того бока, то с другого. Только в пыли видно, как лошадь хвостом вертит.

Жилин видит – дело плохо. Ружье уехало, с одной шашкой ничего не сделаешь. Пустил он лошадь назад к солдатам – думал уйти. Видит, ему наперерез катят шестеро. Под ним лошадь добрая, а под теми еще добрее, да и

наперерез скачут. Стал он окорачивать, хотел назад поворотить, да уж разнеслась лошадь, не удержит, прямо на них летит. Видит – близится к нему с красной бородой татарин на сером коне. Визжит, зубы оскалил, ружье наготове.

«Ну, – думает Жилин, – знаю вас, чертей, если живого возьмут, посадят в яму, будут плетью пороть. Не дамся же живой».

А Жилин хоть невелик ростом, а удал был. Выхватил шашку, пустил лошадь прямо на красного татарина, думает: «Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь места не доскакал Жилин, выстрелили по нем сзади из ружей и попали в лошадь. Ударилась лошадь оземь со всего маху, – навалилась Жилину на ногу.

Хотел он подняться, а уж на нем два татарина вонючие сидят, крутят ему назад руки. Рванулся он, скинул с себя татар, – да еще соскакали с коней трое на него, начали бить прикладами по голове. Помутилось у него в глазах и зашатался. Схватили его татары, сняли с седел подпруги запасные, закрутили ему руки за спину, завязали татарским узлом, по-

волокли к седлу. Шапку с него сбили, сапоги стащили, все обшарили, деньги, часы вынули, платье все изорвали. Оглянулся Жилин на свою лошадь. Она, сердечная, как упала на бок, так и лежит, только бьется ногами, – до земли не достает; в голове дыра, и из дыры так и свищет кровь черная, – на аршин кругом пыль смочила.

Один татарин подошел к лошади, стал седло снимать. Она все бьется, – он вынул кинжал, прорезал ей глотку. Засвистело из горла, трепанулась, и пар вон.

Сняли татары седло, сбрую. Сел татарин с красной бородой на лошадь, а другие подсадили Жилина к нему на седло; а чтобы не упал, притянули его ремнем за пояс к татарину и повезли в горы.

Сидит Жилин за татаринном, покачивается, тычется лицом в вонючую татарскую спину. Только и видит перед собой здоровенную татарскую спину, да шею жилистую, да бритый затылок из-под шапки синеется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась над глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки так закручены, что в

ключице ломит.

Ехали они долго с горы на гору, переехали вброд реку, выехали на дорогу и поехали лощиной.

Хотел Жилин примечать дорогу, куда его везут, – да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться. Переехали еще речку, стали подниматься по каменной горе, запахло дымом, забрехали собаки.

Приехали в аул [4]. Послезли с лошадей татары, собрались ребята татарские, окружили Жилина, пищат, радуются, стали камнями пулять в него.

Татарин отогнал ребят, снял Жилина с лошади и кликнул работника. Пришел ногаец скуластый, в одной рубахе. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказал что-то ему татарин. Принес работник колодку: два чурбака дубовых на железные кольца насажены, и в одном кольце пробойчик и замок.

Развязали Жилину руки, надели колодку и повели в сарай: толкнули его туда и заперли дверь. Жилин упал на навоз. Полежал, ощущал в темноте, где помягче, и лег.

Почти всю эту ночь не спал Жилин. Ночи короткие были. Видит – в щелке светиться стало. Встал Жилин, раскопал щелку побольше, стал смотреть.

Видна ему из щелки дорога – под гору идет, направо сакля татарская, два дерева подле нее. Собака черная лежит на пороге, коза с козлятами ходит, хвостиками подергивают. Видит – из-под горы идет татарка молоденькая, в рубахе цветной, распяской, в штанах и сапогах, голова кафтанок покрыта, а на голове большой кувшин жестяной с водой. Идет, в спине подрагивает, перегибается, а за руку татарчонка ведет бритого, в одной рубашке. Прошла татарка в саклю с водой, вышел татарин вчерашний с красной бородой, в бешмете шелковом, на ремне кинжал серебряный, в башмаках на босу ногу. На голове шапка высокая, баранья, черная, назад заломлена. Вышел, потягивается, бороду красную сам поглаживает. Постоял, велел что-то работнику и пошел куда-то.

Проехали потом на лошадях двое ребят к

водопою. У лошадей храп мокрый. Выбежали еще мальчишки бритые, в одних рубашках, без порток, собрались кучкой, подошли к сараю, взяли хворостину и суют в щелку. Жилин как ухнет на них: завизжали ребята, закатились бежать прочь, только коленки голые блестят.

А Жилину пить хочется, в горле пересохло; думает – хоть бы пришли проведать. Слышит – отпирают сарай. Пришел красный татарин, а с ним другой, поменьше ростом, черноватенький. Глаза черные, светлые, румяный, борода маленькая, подстрижена; лицо веселое, все смеется. Одет черноватый еще лучше: бешмет шелковый синий, галунчиком обшит. Кинжал на поясе большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебром обшиты. А на тонких башмачках другие толстые башмаки. Шапка высокая, белого барашка.

Красный татарин вошел,, проговорил что-то, точно ругается, и стал; облокотился на притолку, кинжалом пошевеливает, как волк исподлобья косится на Жилина. А черноватый, – быстрый, живой, так весь на пружинах

и ходит, – подошел прямо к Жилину, сел на корточки, оскаливается, потрепал его по плечу, что-то начал часто-часто по-своему лопотать, глазами подмигивает, языком прищелкивает, все приговаривает: «корошо урус! корошо урус!»

Ничего не понял Жилин и говорит: «Пить, воды пить дайте!»

Черный смеется. «Корош урус», – все по-своему лопочет.

Жилин губами и руками показал, чтоб пить ему дали. Черный понял, засмеялся, выглянул в дверь, кликнул кого-то: «Дина!»

Прибежала девочка – тоненькая, худенькая, лет тринадцати и лицом на черного похожа. Видно, что дочь. Тоже – глаза черные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторочено красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие с высокими каблуками; на шее монисто, всё из русских полтинников. Голова непокрытая, коса черная, и в косе лента, а на ленте привешаны бляхи и рубль серебряный.

Велел ей что-то отец. Убежала и опять пришла, принесла кувшинчик жестяной. Подала воду, сама села на корточки, вся изогнулась так, что плечи ниже колен ушли. Сидит, глаза раскрыла, глядит на Жилина, как он пьет, как на зверя какого.

Подал ей Жилин назад кувшин. Как она прыгнет прочь, как коза дикая. Даже отец засмеялся. Послал ее еще куда-то. Она взяла кувшин, побежала, принесла хлеба пресного на дощечке круглой и опять села, изогнулась, глаз не спускает – смотрит.

Ушли татары, заперли опять дверь.

Погодя немного, приходит к Жилину ногоец и говорит:

– Айда, хозяин, айда!

Тоже не знает по-русски. Только понял Жилин, что велит идти куда-то.

Пошел Жилин с колодкой, хромает, ступить нельзя, так и воротит ногу в сторону. Вышел Жилин за ногойцем. Видит – деревня татарская, домов десять, и церковь ихняя, с башенкой. У одного дома стоят три лошади в седлах. Мальчишки держат в поводу. Выско-чил из этого дома черноватый татарин, зама-

хал рукой, чтоб к нему шел Жилин. Сам смеется, все говорит что-то по-своему, и ушел в дверь. Пришел Жилин в дом. Горница хорошая, стены глиной гладко вымазаны. К передней стене пуховики пестрые уложены, по бокам висят ковры дорогие; на коврах ружья, пистолеты, шашки – всё в серебре. В одной стене печка маленькая вровень с полом. Пол земляной, чистый, как ток, и весь передний угол устлан войлоками; на войлоках ковры, а на коврах пуховые подушки. И на коврах в одних башмаках сидят татары: черный, красный и трое гостей. За спинами у всех пуховые подушки подложены, а перед ними на круглой дощечке блины просяные и масло коровье распущено в чашке, и пиво татарское – буза, в кувшинчике. Едят руками, и руки все в масле.

Вскочил черный, велел посадить Жилина в сторонке, не на ковер, а на голый пол, залез опять на ковер, угощает гостей блинами и бузой. Посадил работник Жилина на место, сам снял верхние башмаки, поставил у двери рядом, где и другие башмаки стояли, и сел на войлок поближе к хозяевам; смотрит, как они

едят, слюни утирает.

Поели татары блины, пришла татарка в рубахе такой же, как и девка, и в штанах; голова платком покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшин с узким носком. Стали мыть руки татары, потом сложили руки, сели на коленки, подули на все стороны и молитвы прочли. Поговорили по-своему. Потом один из гостей-татар повернулся к Жилину, стал говорить по-русски.

– Тебя, – говорит, – взял Кази-Мугамед, – сам показывает на красного татарина, – и отдал тебя Абдул-Мурату, – показывает на черноватого. – Абдул-Мурат теперь твой хозяин. – Жилин молчит.

Заговорил Абдул-Мурат, и все показывает на Жилина, и смеется, и приговаривает: «солдат урус, корошо урус».

Переводчик говорит: «Он тебе велит домой письмо писать, чтоб за тебя выкуп прислали. Как пришлют деньги, он тебя пустит».

Жилин подумал и говорит: «А много ли он хочет выкупа?»

Поговорили татары, переводчик и говорит: – Три тысячи монет.

– Нет, – говорит Жилин, – я этого заплатить не могу.

Вскочил Абдул, начал руками махать, что-то говорит Жилину, – всё думает, что он поймет. Перевел переводчик, говорит: «Сколько же ты дашь?»

Жилин подумал и говорит: «Пятьсот рублей».

Тут татары заговорили часто, все вдруг. Начал Абдул кричать на красного, залопотал так, что слюни изо рта брызжут. А красный только жмурится да языком пощелкивает.

Замолчали они; переводчик и говорит:

– Хозяину выкупу мало пятьсот рублей. Он сам за тебя двести рублей заплатил. Ему Казимугамед был должен. Он тебя за долг взял. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь, в яму посадят, наказывать будут плетью.

«Эх, – думает Жилин, – с ними, что робеть, то хуже». Вскочил на ноги и говорит:

– А ты ему, собаке, скажи, что если он меня пугать хочет, так ни копейки ж не дам, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться вас, собак!

Пересказал переводчик, опять заговорили все вдруг. Долго лопотали, вскочил черный, подошел к Жилину.

– Урус, – говорит, – джигит, джигит урус!

Джигит, по-ихнему, значит «молодец». И сам смеется; сказал что-то переводчику, а переводчик говорит:

– Тысячу рублей дай.

Жилин стал на своем: «Больше пятисот рублей не дам. А убьете, – ничего не возьмете».

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядывают. Пришел работник, и идет за ним человек какой-то, толстый, босиком и ободранный; на ноге тоже колодка.

Так и ахнул Жилин, – узнал Костылина. И его поймали. Посадили их рядом; стали они рассказывать друг другу, а татары молчат, смотрят. Рассказал Жилин, как с ним дело было; Костылин рассказал, что лошадь под ним стала и ружье осеклось и что этот самый Абдул нагнал его и взял.

Вскочил Абдул, показывает на Костылина, что-то говорит.

Перевел переводчик, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде выкуп даст, того прежде отпустят.

– Вот, – говорит Жилину, – ты все серчаешь, а товарищ твой смирный; он написал письмо домой, пять тысяч монет пришлют. Вот его и кормить будут хорошо и обижать не будут.

Жилин и говорит:

– Товарищ, как хочет; он, может, богат, а я не богат. Я, – говорит, – как сказал, так и будет. Хотите убивайте, – пользы вам не будет, а больше пятисот рублей не напишу.

Помолчали. Вдруг как вскочит Абдул, достал сундучок, вынул перо, бумаги лоскут и чернила, сунул Жилину, хлопнул по плечу, показывает: «пиши». Согласился на 500 рублей.

– Погоди еще, – говорит Жилин переводчику, – скажи ты ему, чтоб он нас кормил хорошо, одел-обул, как следует, чтоб держал вместе, – нам веселей будет, и чтобы колодку снял. – Сам смотрит на хозяина и смеется. Смеется и хозяин. Выслушал и говорит:

– Одежу самую лучшую дам: и черкеску, и

сапоги, хоть жениться. Кормить буду, как князей. А коли хотят жить вместе – пускай живут в сарае. А колодку нельзя снять – уйдут. На ночь только снимать буду. – Подскочил, треплет по плечу. – Твоя хорош, моя хорош!

Написал Жилин письмо, а на письме не так написал, чтоб не дошло. Сам думает: «Я уйду».

Отвели Жилина с Костылиным в сарай, принесли им туда соломы кукурузной, воды в кувшине, хлеба, две черкески старые и сапоги истрепанные, солдатские. Видно, с убитых солдат стащили. На ночь сняли с них колодки и заперли в сарай.

Жил так Жилин с товарищем месяц целый. Хозяин все смеется. – Твоя, Иван, хорош, – моя, Абдул, хорош, – А кормил плохо, – только и давал, что хлеб пресный из просяной муки, лепешками печеный, а то и вовсе тесто исиеченое.

Костылин еще раз писал домой, все ждал присылки денег и скучал. По целым дням сидит в сарае и считает дни, когда письмо придет, или спит. А Жилин знал, что его письмо не дойдет, а другого не писал.

«Где, – думает, – матери столько денег взять, за меня заплатить. И то она тем больше жила, что я посылал ей. Если ей пятьсот рублей собрать, надо разориться вконец. Бог даст – и сам выберусь».

А сам все высматривает, выпытывает, как ему бежать. Ходит по аулу, насвистывает; а то сидит, что-нибудь рукодельничает, или из глины кукол лепит, или плетет плетенки из прутьев. А Жилин на всякое рукоделье мастер был.

Слепил он раз куклу, с носом, с руками, с

ногами и в татарской рубахе, и поставил куклу на крышу.

Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь Динка увидела куклу, позвала татарок. Составили кувшины, смотрят, смеются. Жилин снял куклу, подает им. Они смеются, а не смеют взять. Оставил он куклу, ушел в сарай и смотрит, что будет?

Подбежала Дина, оглянулась, схватила куклу и убежала.

Наутро смотрит, на зорьке Дина вышла на порог с куклой. А куклу уж лоскутками красными убрала и качает, как ребенка, сама по-своему прибаюкивает. Вышла старуха, забранилась за нее, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу.

Сделал Жилин другую куклу, еще лучше, – отдал Дине. Принесла раз Дина кувшинчик, поставила, села и смотрит на него, сама смеется, показывает на кувшин.

«Чего она радуется?» – думает Жилин. Взял кувшин, стал пить. Думает, вода, а там молоко. Выпил он молоко, «хорошо», – говорит. Как взрадуется Дина!

– Хорошо, Иван, хорошо! – и вскочила, за-

била в ладоши, вырвала кувшин и убежала.

И с тех пор стала она ему каждый день, крадучи, молока носить. А то делают татары из козьего молока лепешки сырные и сушат их на крышах, – так она эти лепешки ему тайком принашивала. А то раз резал хозяин барана, – так она ему кусок баранины принесла в рукаве. Бросит и убежит.

Была раз гроза сильная, и дождь час целый как из ведра лил. И помутились все речки, где брод был, там на три аршина вода пошла, камни ворочает. Повсюду ручьи текут, гул стоит по горам. Вот как прошла гроза, везде по деревне ручьи бегут. Жилин выпросил у хозяина ножик, вырезал валик, дощечки, колесо оперил, а к колесу на двух концах кукол приделал.

Принесли ему девчонки лоскутков, – одел он кукол: одна – мужик, другая – баба; утвердил их, поставил колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгают.

Собралась вся деревня: мальчишки, девчонки, бабы; и татары пришли, языком щелкают:

– Ай, урус! ай, Иван!

Были у Абдула часы русские, сломанные. Позвал он Жилина, показывает, языком щелкает. Жилин говорит:

– Давай, починю.

Взял, разобрал ножичком, разложил; опять сладил, отдал. Идут часы.

Обрадовался хозяин, принес ему бешмет свой старый, весь в лохмотьях, подарил. Нечего делать, взял, – и то годится покрыться ночью.

С тех пор прошла про Жилина слава, что он мастер. Стали к нему из дальних деревень приезжать: кто замок на ружье или пистолет починить принесет, кто часы. Привез ему хозяин снасть: и щипчики, и буравчики, и подпилочек.

Заболел раз татарин, пришли к Жилину: «Поди, полечи». Жилин ничего не знает, как лечить. Пошел, посмотрел, думает: «Авось поздоровеет сам». Ушел в сарай, взял воды, песку, помешал. При татарях нашептал на воду, дал выпить. Выздоровел на его счастье татарин. Стал Жилин немножко понимать по-ихнему. И которые татары привыкли к нему, – когда нужно, кличут: «Иван, Иван!» – а кото-

рые все, как на зверя, косятся.

Красный татарин не любил Жилина. Как увидит, нахмурится и прочь отвернется либо обругает. Был еще у них старик. Жил он не в ауле, а приходил из-под горы. Видал его Жилин только, когда он в мечеть приходил богу молиться. Он был ростом маленький, на шапке у него белое полотенце обмотано, борода и усы подстрижены, – белые, как пух; а лицо сморщенное и красное, как кирпич. Нос крючком, как у ястреба, а глаза серые, злые и зубов нет – только два клыка. Идет, бывало, в чалме своей, костылем подпирается, как волк, озирается. Как увидит Жилина, так захрапит и отвернется.

Пошел раз Жилин под гору – посмотреть, где живет старик. Сошел по дорожке, видит садик, ограда каменная; из-за ограды – черешни, шепталы и избушка с плоской крышкой. Подошел он ближе; видит – ульи стоят, плетенные из соломы, и пчелы летают, гудят. И старик стоит на коленочках, что-то хлопочет у улья. Поднялся Жилин повыше, посмотреть, и загремел колодкой. Старик оглянулся – как визгнет; выхватил из-за пояса пистолет, в

Жилина выпалил. Чуть успел он за камень притулиться.

Пришел старик к хозяину жаловаться. Позвал хозяин Жилина, сам смеется и спрашивает:

– Зачем ты к старику ходил?

– Я, – говорит, – ему худого не сделал. Я хотел посмотреть, как он живет.

Передал хозяин. А старик злится, шипит, что-то лопочет, клыки свои выставил, махает руками на Жилина.

Жилин не понял всего; но понял, что старик велит хозяину убить русских, а не держать их в ауле. Ушел старик.

Стал Жилин спрашивать хозяина: что это за старик? Хозяин и говорит:

– Это большой человек! Он первый джигит был, он много русских побил, богатый был. У него было три жены и восемь сынов. Все жили в одной деревне. Пришли русские, разорили деревню и семь сыновей убили. Один сын остался и передался русским. Старик поехал и сам передался русским. Пожил у них три месяца, нашел там своего сына, сам убил его и бежал. С тех пор он бросил воевать, пошел в

Мекку – богу молиться. От этого у него чалма. Кто в Мекке был, тот называется хаджи и чалму надевает. Не любит он вашего брата. Он велит тебя убить; да мне нельзя убить, – я за тебя деньги заплатил; да я тебя, Иван, любил; я тебя не то что убить, я бы тебя и выпустать не стал, кабы слова не дал. – Смеется, сам приговаривает по-русски: «твоя, Иван, хорош, моя, Абдул, хорош!»

4

Прожил так Жилин месяц. Днем ходит по Паулу или рукодельничает, а как ночь придет, затихнет в ауле, так он у себя в сарае копает. Трудно было копать от камней, да он подпилком камни тер, и прокопал он под стеной дыру, что спору пролезть. «Только бы, – думает, – мне место хорошенько узнать, в какую сторону идти. Да не сказывают никто татары».

Вот он выбрал время, как хозяин уехал; пошел после обеда за аул на гору, – хотел оттуда место посмотреть. А когда хозяин уезжал, он приказал малому за Жилиным ходить, с глаз его не спускать. Бежит малый за Жилиным,

кричит:

– Не ходи! Отец не велел. Сейчас народ позову!

Стал его Жилин уговаривать.

– Я, – говорит, – далеко не уйду, – только на ту гору поднимусь: мне траву нужно найти – ваш народ лечить. Пойдем со мной; я с колодкой не убегу. А тебе завтра лук сделаю и стрелы.

Уговорил малого, пошли. Смотреть на гору – не далеко, а с колодкой трудно; шел, шел, насилиу взобрался. Сел Жилин, стал место разглядывать. На полдни, за горой, лощина, табун ходит, и аул другой в низочке виден. От аула другая гора – еще круче, а за той горой еще гора. Промеж гор лес синеется, а там еще горы всё выше и выше поднимаются. А выше всех – белые, как сахар, горы стоят под снегом. И одна снеговая гора выше других шапкой стоит. На восход и на закат – всё такие же горы; кое-где аулы дымятся в ущельях. «Ну, – думает, – это все ихняя сторона». Стал смотреть в русскую сторону: под ногами речка, аул свой, садики кругом. На речке, как куклы маленькие, видно, – бабы сидят, полоскают.

За аулом, пониже, гора, и через нее еще две горы, по ним лес; а промеж двух гор синеется ровное место, а на ровном месте, далеко-далеко, точно дым стелется. Стал Жилин вспоминать, когда он в крепости дома жил, где солнце всходило и где заходило. Видит: так точно, в этой долине должна быть наша крепость. Туда, промеж этих двух гор, и бежать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снеговые горы из белых – алые; в черных горах потемнело; из лощин пар поднялся, и самая та долина, где крепость наша должна быть, как в огне загорелась от заката. Стал Жилин вглядываться, – маячит что-то в долине, точно дым из труб. И так и думается ему, что это самое – крепость русская.

Уж поздно стало. Слышно – мулла прокричал. Стадо гонят – коровы ревут. Малый все зовет: «Пойдем», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну, – думает Жилин, – теперь место знаю; надо бежать». Хотел он бежать в ту же ночь. Ночи были темные – ущерб месяца. На беду, к вечеру вернулись татары. Бывало, приезжают они – гонят с собою

скотину и приезжают веселые. А на этот раз ничего не пригнали, а привезли на седле своего убитого татарина, брата рыжего. Приехали сердитые, собрались все хоронить. Вышел и Жилин посмотреть. Завернули мертвого в полотно, без гроба, вынесли под чинары за деревню, положили на траву. Пришел мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сели рядом на пятки перед мертвым.

Спереди мулла, сзади три старика в чалмах, рядом, а сзади их еще татары. Сели, потупились и молчат. Долго молчали. Поднял голову мулла и говорит:

– Алла! (значит бог) – Сказал это одно слово, и опять потупились и долго молчали; сидят, не шевелятся. Опять поднял голову мулла:

– Алла! – и все проговорили: «Алла» – и опять замолчали. Мертвый лежит на траве, не шелохнется, и они сидят как мертвые. Не шевельнется ни один. Только слышно, на чинаре листочки от ветерка поворачиваются. Потом прочел мулла молитву, все встали, подняли мертвого на руки, понесли. Принес-

ли к яме. Яма вырыта не простая, а подкопана под землю, как подвал. Взяли мертвого под мышки, да под лытки, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидья под землю, заправили ему руки на живот.

Притащил ногаец камышу зеленого, заклали камышом яму, живо засыпали землей, сровняли, а в головы к мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сели опять рядком перед могилой. Долго молчали.

– Алла! Алла! Алла! – Вздохнули и встали.

Роздал рыжий денег старикам, потом встал, взял плеть, ударил себя три раза по лбу и пошел домой.

Наутро видит Жилин – ведет красный кобылу за деревню, а за ним трое татар идут. Вышли за деревню, снял рыжий бешмет, засучил рукава, – ручищи здоровые, – вынул кинжал, поточил на бруске. Задрали татары кобыле голову кверху, подошел рыжий, перерезал глотку, повалил кобылу и начал свежевать – кулачищами шкуру подпарывает. Пришли бабы, девки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потом кобылу, стащили в избу. И вся деревня собралась к рыжему поминать

покойника.

Три дня ели кобылу, бузу пили, покойника поминали. Все татары дома были. На четвертый день, видит Жилин, в обед куда-то собираются. Привели лошадей, убрались и поехали человек 10, и красный поехал: только Абдул дома остался. Месяц только народился, ночи еще темные были.

«Ну, – думает Жилин, – нынче бежать надо», и говорит Костылину. А Костылин заробел.

– Да как же бежать? Мы и дороги не знаем.

– Я знаю дорогу.

– Да и не дойдем в ночь.

– А не дойдем – в лесу переночуем. Я вот лепешек набрал. Что ж ты будешь сидеть? Хорошо, пришлют денег, а то ведь и не соберут. А татары теперь злые – за то, что ихнего русские убили. Поговаривают – нас убить хотят.

Подумал, подумал Костылин.

– Ну, пойдем.

Полез Жилин в дыру, раскопал пошире, чтоб и Костылину пролезть, и сидяг они – ждут, чтобы затихло в ауле.

Только затих народ в ауле, Жилин полез под стену, выбрался. Шепчет Костылину: «Полезай». Полез и Костылин, да зацепил камень ногой, загремел. А у хозяина сторожка была – пестрая собака, и злая-презлая; звали ее Уляшин. Жилин уже наперед прикормил ее. Услыхал Уляшин, – забрежал и кинулся, а за ним другие собаки. Жилин чуть свистнул, кинул лепешки кусок, Уляшин узнал, замахал хвостом и перестал брехать.

Хозяин услышал, загайкал из сакли: «Гайть! Гайть! Уляшин! «

А Жилин за ушами почесывает Уляшина. Молчит собака, трется ему об ноги, хвостом махает.

Посидели они за углом. Затихло все; только слышно, овца перхает в закуте да низом вода по камушкам шумит. Темно; звезды высоко стоят на небе; над горой молодой месяц покраснелся, кверху рожками заходит. В ло-

щинах туман, как молоко, белеется.

Поднялся Жилин, говорит товарищу: «Ну, брат, айда!»

Тронулись; только отошли, слышат – запел мулла на крыше: «Алла! Бесмилла! Ильрахман!» Значит – пойдет народ в мечеть. Сели опять, притаившись под стенкой. Долго сидели, дожидались, пока народ пройдет. Опять затихло.

– Ну, с богом! – Перекрестились, пошли. Прошли через двор под кручь к речке, перешли речку, пошли лощиной. Туман густой, да низом стоит, а над головой ввезды виднешеньки. Жилин по звездам примечает, в какую сторону идти. В тумане свежо, идти легко, только сапоги неловки – стоптались, Жилин снял свои, бросил, пошел босиком. Попрыгивает с камушка на камушек да ва звезды поглядывает. Стал Костылин отставать.

– Тише, – говорит, – иди; сапоги проклятые, все ноги стерли.

– Да ты сними, легче будет.

Пошел Костылин босиком – еще того хуже: изрезал все ноги по камням и все отстаёт. Жилин ему говорит:

– Ноги обдерешь – заживут, а догонят – убьют – хуже.

Костылин ничего не говорит, идет, побряхтывает. Шли они низом долго. Слышат – вправо собаки забрехали. Жилин остановился, осмотрелся, полез на гору, руками ощупал.

– Эх, – говорит, – ошиблись мы, – вправо забрали. Тут аул чужой, я его с горы видел; назад надо, да влево в гору. Тут лес должен быть.

А Костылин говорит:

– Подожди хоть немножко, дай вздохнуть, – у меня ноги в крови все.

– Э, брат, заживут; ты легче прыгай. Вот как!

И побежал Жилин назад, влево, в гору, в лес. Костылин все отстает и охает. Жилин шикнет-шикнет на него, а сам все идет.

Поднялись на гору. Так и есть – лес. Вошли в лес, – по колючкам изодрали все платье последнее. Напались на дорожку в лесу. Идут.

– Стой! – Затопало копытами по дороге. Остановились, слушают. Потопало, как лошадь, и остановилось. Тронулись они – опять затопало. Они остановятся – и оно остановит-

ся. Подполз Жилин, смотрит на свет по дороге – стоит что-то. Лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человека не похоже. Фыркнуло – слышит. «Что за чудо!» Свистнул Жилин потихоньку, – как шаркнет с дороги в лес и затрещало по лесу, точно буря летит, сучья ломает.

Костылин так и упал со страху. А Жилин смеется, говорит:

– Это олень. Слышишь – как рогами лес ломит? Мы его боимся, а он нас боится.

Пошли дальше. Уж высокожары спускаться стали, до утра недалеко. А туда ли идут, нет ли, – не знают. Думается так Жилину, что по этой самой дороге его везли и что до своих – верст десять еще будет; а приметы верной нет, да и ночь – не разберешь. Вышли на полянку. Костылин сел и говорит:

– Как хочешь, а я не дойду, – у меня ноги не идут.

Стал его Жилин уговаривать.

– Нет, – говорит, – не дойду, не могу.

Рассердился Жилин, плюнул, обругал его.

– Так я же один уйду, – прощай!

Костылин вскочил, пошел. Прошли они

версты четыре. Туман в лесу еще гуще сел, ничего не видать перед собой, и звезды уж чуть видны.

Вдруг слышат, впереди топают лошадь. Слышно – подковами за камни цепляется. Леи Жилин на брюхо, стал по земле слушать.

– Так и есть, – сюда, к нам конный едет.

Сбежали они с дороги, сели в кусты и ждут. Жилин подполз к дороге, смотрит – верховой татарин едет, корову гонит, сам себе под нос мурлычет что-то. Проехал татарин. Жилин вернулся к Костылину.

– Ну, пронес бог, – вставай, пойдем.

Стал Костылин вставать и упал.

– Не могу, – ей-богу, не могу; сил моих нет.

Мужчина грузный, пухлый, запотел; да как обхватило его в лесу туманом холодным, да ноги ободраны, – он и рассолодел. Стал его Жилин силой поднимать. Как закричит Костылин:

– Ой, больно!

Жилин так и обмер.

– Что кричишь? Ведь татарин близко – услышит. – А сам думает: «Он и вправду слаб; что мне с ним делать? Бросить товари-

ца не годится».

– Ну, – говорит, – вставай, садись на закорки, снесу, коли уж идти не можешь.

Подсадил на себя Костылипа, подхватил руками под ляжки, вышел на дорогу, поволок.

– Только, – говорит, – не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину, – ноги тоже в крови и уморился. Нагнется, подправит, подкинет, чтоб повыше сидел на нем Костылин, тащит его по дороге.

Видно, услышал татарин, как Костылин закричал. Слышит Жилин, едет кто-то сзади, кличет по-своему. Бросился Жилин в кусты. Татарин выхватил ружье, выпалил, – не попал, завизжал по-своему и поскакал прочь по дороге.

– Ну, – говорит Жилин, – пропали, брат! Он, собака, сейчас соберет татар за нами в погоню. Коли не уйдем версты три, – пропали. – А сам думает на Костылина: «И черт меня дернул колоду эту с собой брать. Один я бы давно ушел».

Костылин говорит: – Иди один, за что тебе

из-за меня пропадать.

– Нет, не пойду, не годится товарища бросать.

Подхватил опять на плечи, попер. Прошел он так с версту. Все лес идет и не видать выхода. А туман уж расходиться стал, и как будто тучки заходить стали, не видать уж звезд. Измучился Жилин.

Пришел, у дороги родничок, камнем обделан. Остановился, ссадил Костылина.

– Дай, – говорит, – отдохну, напьюсь. Лепешек поедим. Должно быть, недалеко.

Только прилег он пить, слышит – затопало сзади. Опять кинулись вправо, в кусты, под кручь, и легли.

Слышат голоса татарские; остановились татары на том самом месте, где они с дороги свернули. Поговорили, потом зауськали, как собак притравляют. Слышат – трещит что-то по кустам, прямо к ним собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лезут и татары – тоже чужие; схватили их, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проехали версты три, – встречает их Абдул-хозяин с двумя татарами. Поговорил что-

то с татарами, пересадили на своих лошадей, повезли назад в аул.

Абдул уж не смеется и ни слова не говорит с ними.

Привезли на рассвете в аул, посадили на улице. Сбежались ребята. Камнями, плетками бьют их, визжат.

Собрались татары в кружок, и старик из-под горы пришел. Стали говорить. Слышит Жилин, что судят про них, что с ними делать. Одни говорят: надо их дальше в горы услать, а старик говорит: «надо убить». Абдул спорит, говорит: «я за них деньги отдал, я за них выкуп возьму». А старик говорит: «ничего они не заплатят, только беды наделают. И грех русских кормить. Убить, – и кончено».

Разошлись. Подошел хозяин к Жилину, стал ему говорить:

– Если, – говорит, – мне не пришлют за вас выкуп, я через две недели вас запорю. А если затеешь опять бежать, – я тебя как собаку убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!

Принесли им бумаги, написали они письма. Набили на них колодки, отвели за мечеть. Там яма была аршин пяти, и спустили их в

эту яму.

6

Житье им стало совсем дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свет. Кидали им туда тесто непеченое, как собакам, да в кувшине воду спускали. Вонь в яме, духота, мокрота. Костылин совсем разболелся, распух, и ломота во всем теле стала; и все стонет или спит. И Жилин приуныл, видит – дело плохо. И не знает, как выбраться.

Начал он было подкапываться, да землю некуда кидать; увидал хозяин, пригрозил убить.

Сидит он раз в яме на корточках, думает об вольном житье, и скучно ему. Вдруг прямо ему на коленки лепешка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядел кверху, а там Дина. Поглядела на него, посмеялась и убежала. Жилин и думает: «не поможет ли Дина?»

Расчистил он в яме местечко, наковырял глины, стал лепить кукол. Наделал людей, лошадей, собак, думает: «как придет Дина, брошу ей».

Только на другой день нет Дины. А слы-

шит Жилин – затопали лошади, проехали какие-то, и собрались татары у мечети, спорят, кричат и поминают про русских. И слышит голос старика. Хорошенько не разобрал он, а догадывается, что русские близко подошли, и боятся татары, как бы в аул не зашли, и не знают, что с пленными делать.

Поговорили и ушли. Вдруг слышит – зашуршало что-то наверху. Видит: Дина присела на корточки, коленки выше головы торчат, свесилась, монисты висят, болтаются над ямой. Глазенки так и блестят, как звездочки; вынула из рукава две сырны лепешки, бросила ему. Жилин взял и говорит:

– Что давно не бывала? А я тебе игрушек наделал. На вот! – Стал ей швырять по одной. А она головой мотает, не смотрит.

– Не надо, – говорит. Помолчала, посидела и говорит: – Иван! тебя убить хотят. – Сама себе рукой на шею показывает.

– Кто убить хочет?

– Отец, ему старики велят. А мне тебя жалко.

Жилин и говорит:

– А коли тебе меня жалко, так ты мне пал-

ку длинную принеси.

Она головой мотает, – что «нельзя». Он сложил руки, молится ей:

– Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

– Нельзя, – говорит, – увидят, все дома, – и ушла.

Вот сидит вечером Жилин и думает: «что будет?» Все поглядывает вверх. Звезды видны, а месяц еще не восходил. Мулла прокричал, затихло все. Стал уже Жилин дремать, думает: «побоится девка».

Вдруг на голову ему глина посыпалась; глянул кверху – шест длинный в тот край ямы тыкается. Потыкался, спускаться стал, ползет в яму. Обрадовался Жилин, схватил рукой, спустил – шест здоровый. Он еще прежде этот шест на хозяйской крыше видел.

Поглядел вверх, – звезды высоко на небе блестят; и над самою ямой, как у кошки, у Дины глаза в темноте светятся. Нагнулась она лицом на край ямы и шепчет: «Иван, Иван!» – а сама руками у лица все машет, – что «тише, мол».

– Что? – говорит Жилин.

– Уехали все, только двое дома.

Жилин и говорит:

– Ну, Костылин, пойдём, попытаемся последний раз; я тебя подсажу.

Костылин и слушать не хочет.

– Нет, – говорит, – уж мне, видно, отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и поворотиться нет сил?

– Ну, так прощай, – не поминай лихом. – Поцеловался с Кистылиным.

Ухватился за шест, велел Дине держать, полез. Раза два он обрывался, – колодка мешала. Поддержал его Костылин, – выбрался кое-как наверх. Дина его тянет ручонками за рубаху, изо всех сил, сама смеется.

Взял Жилин шест и говорит:

– Снеси на место, Дина, а то хватятся, – прибьют тебя.

Потащила она шест, а Жилин под гору пошел. Слез под кручь, взял камень вострый, стал замок с колодки выворачивать. А замок крепкий, – никак не собьёт, да и неловко. Слышит, бежит кто-то с горы, легко попрыгивает. Думает: «верно, опять Дина». Прибежала Дина, взяла камень и говорит:

– Дай я.

Села на коленочки, начала выворачивать. Да ручонки тонкие, как прутики, – ничего силы нет. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилин за замок, а Дина села подле него на корточках, за плечо его держит. Оглянулся Жилин, видит – налево за горой зарево красное загорелось, месяц встает. «Ну, – думает, – до месяца надо лощину пройти, до лесу добраться». Поднялся, бросил камень. Хоть в колодке, – да надо идти.

– Прощай, – говорит, – Динушка. Век тебя помнить буду.

Ухватила за него Дина: шарит по нем руками, ищет – куда бы лепешки ему засунуть. Взял он лепешки.

– Спасибо, – говорит, – умница. Кто тебе без меня кукол делать будет? – И погладил ее по голове.

Как заплачет Дина, закрылась руками, побежала на гору, как козочка прыгает. Только в темноте слышно – монисты в косе по спине побрякивают.

Перекрестился Жилин, подхватил рукой замок на колодке, чтобы не бренчал, пошел по дороге, – ногу волочит, а сам все на зарево

поглядывает, где месяц встает. Дорогу он узнал. Прямым иди верст восемь. Только бы до лесу дойти прежде, чем месяц совсем выйдет. Перешел он речку, – побелел уже свет за горой. Пошел ложиной, идет, сам поглядывает: не видать еще месяца. Уж зарево посветлело и с одной стороны ложины все светлее, светлее становится. Ползет под гору тень, все к нему приближается.

Идет Жилин, все тени держится. Он спешит, а месяц еще скорее выбирается; уж и направо засветились макушки. Стал подходить к лесу, выбрался месяц из-за гор, – бело, светло совсем, как днем. На деревьях все листочки видны. Тихо, светло по горам, как вымерло все. Только слышно – внизу речка журчит.

Дошел до лесу – никто не попался. Выбрал Жилин местечко в лесу потемнее, сел отдыхать.

Отдохнул, лепешку съел. Нашел камень, принялся опять колодку сбивать. Все руки избил, а не сбил. Поднялся, пошел по дороге. Прошел с версту, выбился из сил, – ноги ломит. Ступит шагов десять и остановится. «Нечего делать, – думает, – буду тащиться, по-

ка сила есть. А если сесть, так и не встану. До крепости мне не дойти, а как рассветет, – лягу в лесу, переднюю, а ночью опять пойду».

Всю ночь шел. Только попались два татарина верхами, да Жилин издалека их услышал, схоронился за дерево.

Уж стал месяц бледнеть, роса пала, близко к свету, а Жилин до края леса не дошел. «Ну, – думает, – еще тридцать шагов пройду, сверну в лес и сяду». Прошел тридцать шагов, видит – лес кончается. Вышел на край – совсем светло, как на ладонке перед ним степь и крепость, и налево, близехонько под горой, огни горят, тухнут, дым стелется и люди у костров.

Вгляделся – видит: ружья блестят, казаки, солдаты.

Обрадовался Жилин, собрался с последними силами, пошел под гору. А сам думает: «избави бог, тут, в чистом поле, увидит конный татарин; хоть близко, а не уйдешь».

Только подумал – глядь: налево, на бугре, стоят трое татар, десятины на две. Увидали его, – пустились к нему. Так сердце у него и оборвалось. Замахал руками, закричал что было духу своим:

– Братцы! выручай! братцы!

Услыхали наши, – выскочили казаки верховые. Пустились к нему – наперерез татарам.

Казакам далеко, а татарам близко. Да уж и Жилин собрался с последней силой, подхватил рукой колодку, бежит к казакам, а сам себя не помнит, крестится и кричит:

– Братцы! братцы! братцы!

Казаков человек пятнадцать было.

Испугались татары, – не доезжаячи, стали останавливаться. И подбежал Жилин к казакам.

Окружили его казаки, спрашивают: «кто он, что за человек, откуда?» А Жилин сам себя не помнит, плачет и приговаривает:

– Братцы! Братцы!

Выбежали солдаты, обступили Жилина; кто ему хлеба, кто каши, кто водки, кто шинелью прикрывает, кто колодку разбивает.

Узнали его офицеры, повезли в крепость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались к Жилину.

Рассказал Жилин, как с ним все дело было, и говорит:

– Вот я и домой съездил, женился! Нет, уж,

видно, не судьба моя.

И остался служить на Кавказе. А Костылина только еще через месяц выкупили за пять тысяч. Еле живого привезли.

Микулушка Селянинович (Стихи-сказка.)

Выезжал ли Вольга-свет с дружиною

*По селам, городам за получкою,
С мужиков выбирать дани-выходы;*

Выезжал ли сударь во чисто поле,

—

*Услыхал во чистом поле пахаря:
Слышно – пашет мужик да посвистыва(е)т,*

Сдалека, слышно, сошка поскрипыва(е)т,

Сошники по камням, слышно, черкают, —

А не видно нигде в поле пахаря.

И поехал Вольга к тому пахарю —

Целый день ехал с утра до вечера,

А наехать не мог Вольга пахаря.

День другой ехал с утра до вечера,

А наехать не мог Вольга пахаря.

Слышно – пашет мужик, да посвистыва(е)т,

Сдалека, слышно, сошка поскрипыва(е)т,

Сошнички по камням, слышно,
черкают, —

А не видно нигде в поле пахаря.
Третий день Вольга ехал до пабе-
дья —

Наезжает Вольга в поле пахаря:
В поле пашет мужик, да понуки-
ва(е)т,

С края в край он бороздку отвали-
ва(е)т,

Камни, корни сохой выворачи-
ва(е)т:

Как заедет мужик-от в один ко-
нец —

Со другого конца и не виднушко.

А у пахаря сошка кленовенька,
Сошнички во той сошке булатные,
Захлеснуты гужочки шелковень-
ки,

А кобылка во сошке соловенька.
Взговорит ли Вольга тому паха-
рю:

«Гой, мужик-пахарек! Божья по-
мощь те, —

Божья помощь пахать да кре-
стьянствовать,
Широку борозду отворачивать
Да коренья, каменья выверты-

вать!»

Говорит ли мужик таковы слова:
«А спасибо, Вольга, – благодар-
ствуем, —

Божья помощь, поди-тка, нам на-
добна.

Божья помощь – пахать да кре-
стьянствовать.

Сам далеко ль едешь, со дружи-
нушкой?

Далеко ль бог несет, – куда путь
держишь?»

Взговорит ли Вольга таковы сло-
ва:

«А я еду, мужик, со дружинушкой
По селам-городам за получкою —
Выбирать с мужиков дани-выхо-
ды.

Ай, пойдём со мной во товари-
щах!»

Взял мужик, воткнул сошку в бо-
роздочку,

Он гужочки шелковы взял выстег-
нул,

Взял из сошки кобылку да вывер-
нул,

На кобылку ввалился, сел охлепью

Со Вольгою поехал в товарищах.
Говорит ли мужик таковы слова:
«А не ладно, Вольга, я в бороздоч-
ке
Свою сошку оставил не убранну,
Как бы сошка с земельки повыдер-
нуть,
С сошничков как бы землю повы-
тряхнуть,
А и бросить сошка за ракитов
куст...»
Посылал тут Вольга десять мо-
лодцов:
Велит сошку с земельки повыдер-
нуть,
С сошничков велит землю повы-
тряхнуть,
А и бросить сошка за ракитов
куст.
Подъезжали ко сошке те молод-
цы,
Соскочили в борозду с добрых ко-
ней,
Разом брались за сошку клено-
веньку.
От земли этой сошки поднять
нельзя.
Они сошку за обжи вокруг вер-

тят,
А не могут с земли сошку выдер-
нуть,
Не могут с сошников землю вы-
тряхнуть, —
А и бросить сошка за ракитов
куст.

А и шлет ли Вольга всю дружи-
нушку:
Велит сошку с земельки повыдер-
нуть,
С сошничков велит земельку по-
вытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитов
куст.

Вот за сошку бралась вся дружи-
нушка,
Разом бралась за сошку кленовую,
—

Только сошку за обжи вокруг вер-
тят,
А не могут с земли сошку выдер-
нуть,
Не могут с сошничков землю вы-
тряхнуть,
А и бросить сошка за ракттов
куст.

Подъезжал тут мужик, деревен-

щина:

Он слезал со кобылки соловень-
кой,

Подходил к своей сошке клено-
венькой,

Брался ручкой одной да попёхивал,

Из земельки он сошку выдергивал,

С сошничков он земельку вы-
трёхивал,

Он палицей комлыжки соскребы-
вал,

А и бросил сошка за ракитов
куст.

На добрых коней сели, – поехали.

Выезжают они на дороженьку —

Мужикова кобылка ходой идет,

А Вольгин-от конь уж поскакива-
ет;

Мужикова кобылка рысцою по-
шла,

А Вольгин-от уж конь оставать-
ся стал.

Передом мужик едет, не трях-
нется, —

Во всю прыть Вольга едет суго-
ною.

Мужику тут Вольга стал покри-
кивать,

Мужику колпаком стал помахивать:

«Ты, мужик-пахарек, ты постой,
пожди,
За тобою, мужик, не угонишься».
На Вольгу тут мужик приоглянулся,
Стал кобылку свою окорачивать,
—

И поехали шагом дорожкой.
Взговорит ли Вольга таковы слова:

«У тебя ли, мужик, лошадь добрая —
Кабы лошадь твоя да коньком была, —
За лошадку цена бы пятьсот рублей».

Говорит ли мужик таковы слова:
«А и глуп ты, Вольга, глупо сказыва(е)шь».

Я кобылочку взял из-под матери.
За сосунчика дал я пятьсот рублей;

А коньком бы была – ей и сметы нет».

Взговорит ли Вольга таковы слова:

«А и как тя, мужик, звать по имени —

Величать тебя как по изотчеству!»

Говорит ли мужик таковы слова:

«А я ржи напашу, во скирды сло-
жу,

Домой выволоку, дома вымолочу.

Да и пива сварю, мужиков сзову,

И почнут мужики тут поклики-
вать:

«Гой, Микула-свет, ты Микулуш-
ка,

Свет Микулушка да Селянино-
вич!»

Примечания

1

У обезьян 4 руки. (Примеч. Л. Н. Толстого.)

[^^^]

Морские птицы. (Примеч. Л. Н. Толстого.)

[^^^]

3

Репица – та часть хвоста, где на нем есть мясо. *(Примеч. Л. Н. Толстого.)*

[^^^]

Аул – татарская деревня. (Примеч. Л. Н. Толстого.)

[^^^]